

ПИСЬМА ТАТЫ ГЕРЦЕН М.К. РЕЙХЕЛЬ

Статья И.Г. Птушкиной,
публикации С.Д. Лищинер и И.Г. Птушкиной

Письма старшей дочери Герцена Натальи Александровны ближайшему другу семьи писателя Марии Каспаровне Рейхель охватывают большой период. Первые письма (чаще всего в составе писем отца) относятся к 1853 г., последнее известное письмо написано в 1911 г. (Мария Каспаровна умерла в 1916 г.), то есть их переписка продолжалась почти шестьдесят, а может быть и более, лет.

Письма дочери Герцена, самого близкого к нему человека из всей семьи, к Рейхель содержат исключительный по важности материал, раскрывающий не только внутренний мир Натальи Александровны, но и освещающий события жизни Герцена, его взгляды, его характер, его взаимоотношения с детьми.

Более шестидесяти писем Натальи Александровны, являющиеся приписками к письмам Герцена, вошли в тридцатитомное собрание сочинений писателя. Они относятся в основном к пятидесятым годам, и только несколько из них к шестидесятым годам XIX в.

Письма, публикуемые в настоящем томе (а их сохранилось в “парижской коллекции” около 120), писались главным образом, когда Наталья Александровна жила уже вдали от отца, а потом и после его смерти. В настоящей публикации полностью печатаются письма за десять лет, всего 21 письмо за 1859 – январь 1870 г. Последнее, заключающее публикацию (от 23 января 1870 г.), – письмо с сообщением о кончине Герцена.

Судя по сохранившимся в парижской коллекции письмам Натальи Александровны к Рейхель, наиболее интенсивная переписка шла между ними в первые годы после смерти Герцена (в коллекции *BN* 10 писем 1870 г., 12 писем 1871 г., 12 писем 1872 г., 6 – 1873 г.). Затем их переписка становится, по-видимому, менее регулярной (в коллекции сохранилось за каждый последующий год от одного до пяти писем; только за 1904 г. – 9 писем; писем за 1891–1897 гг. нет ни одного).

Однако очевидно, что письма Н.А. Герцен дошли до нас далеко не полностью: в “парижской коллекции” отсутствуют, например, письма с сообщениями о смерти Огарева и гибели Лизы Герцен, об отъездах в Россию Н.А. Тучковой-Огаревой и сына А.А. Герцена Петра Александровича. Правда, некоторые вести доходили до Рейхель таким образом: Наталья Александровна посылала ей свои письма к другим лицам, просила Марию Каспаровну их прочитать, а потом отослать по назначению. Несмотря на то, что до нас дошли не все письма Н.А. Герцен к Рейхель, их сохранившийся комплекс дополняет представление о разных сторонах жизни Герцена, вносит важные детали, отражает влияние герценовской мысли, герценовского дела на старшую его дочь и создают ее неповторимый и привлекательный облик.

Пожалуй, не было у Таты после смерти матери женщины-друга более близкого, чем Мария Каспаровна. Именно ей поручил Герцен своих малолетних дочерей после кончины жены. С тех пор Тата ощущала особенную привязанность к Марии Каспаровне. “Я очень мало встречала женщин, – писала она 13 июля 1868 г. Рейхель, – с которыми я бы столько симпатизировала, как с тобой, с которыми я чувствую, что могла бы говорить откровенно и с доверием – кажется, ты даже единственная!” А в одном из более ранних писем она так объясняла Марии Каспаровне внешнюю сдержанность своих писем к ней: “Часто, особенно, когда меня что-нибудь огорчало, мне так хотелось тебе писать и все рассказать, но в этом останавливало меня то, что я не могла послать тебе письмо, не показавши Папаше, а часто мне не хотелось, чтобы он его читал, потому что речь шла бы о самом Папаше и об других людях. Теперь я могу тебе писать, и если ты хочешь, если тебе это не надоест, я с охотой буду писать о себе, об нас всех и об нашем житье” (письмо от 10 декабря 1861 г.).

Если вспомнить слова матери о том, что Тата – “натура несообщительная”, если учесть, как далека была она от двух других женщин – Н.А. Тучковой-Огаревой и М. Мейзенбург, которые долгое время были рядом с Татой (о них она писала, что они – “единственные женщины в нашем интимном кружке – ни с одной, ни с другой я не могу быть близкой, я, которая так готова, так желала и желаю привязаться и любить”), то письма Таты к Рейхель приобретают особую значимость. Именно в них дочь Герцена стремилась быть открытой, откровенной, хотя удавалось ей это далеко не всегда.

Переписка Таты с М.К. Рейхель при жизни Герцена была не очень регулярной. Ей часто приходилось извиняться перед Марией Каспаровной за свое долгое молчание. Так, например, после письма от 18 сентября – 7 октября 1862 г. проходит целый год, и в следующем письме от 29 октября 1863 г. она оправдывается перед Марией Каспаровной: “Уж столько времени

прошло, как я тебе не писала (...) что никак не решалась начать письмо, и теперь краснею, бравши перо (...) Если бы хоть побранила меня за лень – но нет, в последнем письме даже не намекаешь, а потом переставешь совсем писать, этим я очень наказана, но заслужила”. Наталья Александровна неоднократно отмечала, что она “не охотница до писания писем”, но тем не менее письма к Марии Каспаровне шли, хотя и не очень частые. Потребность отвести душу, спросить о новостях в семье Рейхель, событиями жизни которой Наталья Александровна не могла не интересоваться заставляли ее братья за перо, наполнять его очередными извинениями и уверять своего старшего друга в неослабеваемом внимании к ней и ее детям.

Касаться реального содержания писем, которые полностью печатаются в настоящей публикации, вряд ли имеет смысл. Все они в той своей части, в которой освещают события жизни самого Герцена, использованы в соответствующих томах “Летописи жизни и творчества А.И. Герцена”, книгах III–V. В настоящей статье-обзоре целесообразнее раскрыть посмертную судьбу писателя, как она отразилась и развивалась в событиях жизни его старшей, самой любимой дочери.

Год, предшествующий смерти Герцена, был для Таты ужасным годом. Пережив психический стресс, а потом и душевную болезнь из-за истории с Пенизи, она с трудом возвращалась к нормальной жизни. Для Герцена же болезнь дочери стала чудовищным, а, может быть, и смертельным ударом. Приехав к больной дочери во Флоренцию, Герцен в письме к Огареву от 6 ноября 1869 г. писал: “Эти дни принадлежат к самым скучным и тяжелым, к самым убивающим все силы – так, как смерть Коли и Луизы Ив(ановны Гаг), 2 мая 1852 и 4 дек(абря) в Париже”¹. Особенно угнетало Герцена то, что история с Пенизи раскрыла такие стороны натуры Таты, которых он в ней не подозревал. Герцен так писал об этом Огареву: “Все дело я изучил теперь, как адвокат, от доски до доски, – по письмам, мемуарам, по длинному описанию Мейз(енбуг) и пр. (...) Без сомнения, на первом плане виновата без всяких оправданий Тата – она хитрила со всеми (...) и наказана через край”². 10 ноября 1869 г. Герцен подробно описал Рейхель историю, вызвавшую болезнь Таты. Она поправлялась сравнительно быстро и выздоравливавшую и приходящую в себя от потрясения дочь Герцен увез из Флоренции. По дороге в Париж они проехали итальянскими городами Специя, Генуя, провели неделю в Ницце и через Марсель и Лион приехали 18 декабря 1869 г. в Париж. Всю дорогу Герцена не покидали раздумья по поводу только что пережитой истории с Татой, которая как бы свидетельствовала о крахе его системы воспитания детей. 2 декабря 1869 г. в письме к сыну Александру он делает такой вывод: “Будущее ужасает меня – при всех усилиях я сомневаюсь, чтоб я мог провести струю нового воздуха – в старое воспитание, христо-буржуазное, прикрытое новой фразеологией”³. А в следующем письме к сыну, 4 декабря 1869 г., Герцен делает страшное признание: “Я ничего не жду, ни в кого не верю. Я даже не особенно желаю долгого продолжения жизни”⁴. Анализируя поступки Таты, связанные с ее драмой, Герцен делал беспощадные и, очевидно, не совсем справедливые выводы. “Последнее событие отняло у меня последние веры в лица. – Мог ли я ждать от Таты того рода двуличий и лжи, в которые она запуталась до чего – ты знаешь”⁵, – писал Герцен Огареву 10 ноября 1869 г. Герцен был слишком суров, оценивая так поведение Таты в истории с Пенизи, но один безусловный вывод можно было сделать из происшедшего: дочь Герцена сформировалась в человека достаточно скрытного, самостоятельного, готового самой платить за допущенные ошибки. Скрытность Таты проявилась в том, что в письмах к Рейхель она ни словом не обмолвилась о своем увлечении Пенизи.

Приехавшую в Париж с отцом, Н.А. Тучковой-Огаревой и Лизой Наталью Александровну ожидал новый удар. Через день после смерти отца Тата написала Рейхель: “Папаши больше нет (...) Я потеряла то, что мне было всего дороже на свете. – Он сам не знал, до какой степени я его любила, как меня мучило то, что его огорчало, как я насильно была весела, чтобы он думал, что я счастлива”.

Со смертью отца начиналась для дочери Герцена совершенно другая жизнь. Переезжая из Парижа в Женеву для встречи с Огаревым, который по состоянию здоровья не смог приехать в Париж не только для того, чтобы проститься с умирающим другом, но и проводить его прах, Наталья Александровна не могла даже предвидеть, что в Женеве ее ждут новые испытания. Из первых же писем к Рейхель, посланных ей после смерти Герцена, становится ясно, что теперь главной заботой Натальи Александровны станет собирание и сохранение архива отца и мемориальных вещей, с ним связанных⁶.

Сохранившееся письмо к Рейхель из Женевы с датой 10 февраля 1870 г. (слова в этом письме: “Сейчас спешу на станцию” говорят о том, что она именно в этот день выехала в Париж⁷) очень коротко, не содержит почти никакой информации. Н.А. Герцен благодарит Рейхель за какие-то пересланные письма, просит ее какую-то “картиночку хорошенько завернуть и послать (с ложечкой и салфеточкой) в Женеву” и обещает написать “об остальном” из Па-

ДОЧЕРИ ГЕРЦЕНА – ТАТА И ОЛЬГА

Дагерротип на слоновой кости. (Лондон, февраль 1854 г.)

На раме дарственная надпись Герцена Е.Б. Грановской: "Лизавете Богдановне. 17 августа и прощайте. – До свиданья"
Музей Герцена, Москва

рижа. Однако письма из Парижа в сохранившейся коллекции нет (вероятнее всего, Тата не выполнила своего обещания), а следующее письмо, от 1 марта 1870 г., снова послано из Женевы, куда Наталья Александровна успела вернуться вместе с Н.А. Тучковой-Огаревой и Лизой. В этом письме сообщалось: "Ты, верно, удивишься, милая моя Маша, когда узнаешь, что я опять в Женеве; на этот раз я приехала с Лизой и ее матерью. Хотим мы пожить около Огарева, который стареет быстро, пожить здесь несколько месяцев – может быть, совсем поселиться"⁸. Далее Тата рассказывает о том, что А.А. Герцен и С. Тхоржевский поехали в Ниццу "проводить гроб" с телом Герцена (захоронение состоялось там 20 февраля 1870 г.)⁹. Из этого же письма известно, что Наталья Александровна попросила Рейхель переписывать сохранившиеся у нее письма Герцена к ней (прежде всего эта просьба касалась писем Герцена, относящихся "до истории Герб(ега)" ("мы, дети, должны все знать, он этого желал"). Позднее, когда Н.А. Герцен поставила перед собой задачу собрать в семейном архиве письма Герцена ко всем адресатам, она забрала все письма отца к Рейхель к себе, сначала думая, что только для копирования, а затем и вовсе не возвратила их Рейхель¹⁰.

Вероятнее всего, после мартовского письма в переписке Натальи Александровны и Рей-

хель наступает трехмесячный перерыв. Следующее сохранившееся в коллекции письмо датировано 6 июня 1870 г. Сознательно не сообщая в нем подробностей о своем участии в “нечаевской” истории, Тата передает в письме то чувство смятения, в котором она находилась к тому времени.

После опубликования фундаментальной работы С.В. Житомирской и Н.М. Пирумовой «Огарев, Бакунин и Н.А. Герцена-дочь в “нечаевской” истории»¹¹ здесь нет необходимости снова возвращаться к освещению этой темы. Однако сохранившиеся письма Н.А. Герцен 1870 г. позволяют дополнить эту публикацию некоторыми деталями, а главное, представив выдержки из писем к Рейхель, передать то тревожное настроение, в котором пребывала Тата из-за того, что позволила вовлечь себя в “нечаевскую” авантюру. В упомянутом письме от 6 июня 1870 г. она писала (письмо цитируется с некоторыми сокращениями): «(...) Я все это время была в таком беспокойном расположении духа, что почти никому толком не писала. Бакунин знает, в чем дело, и мог кое-что тебе рассказать, если ты его обо мне расспрашивала. Я теперь по временам удивляюсь, что опять не заболела! – Бросили мне пыль в глаза, рассказали разные небылицы; частью я поверила, потому что представить себе не могла, что талант *лжи* можно довести до такого совершенства, – ну и увлеклась я, правда, на очень короткое время, – не личностью, а *делом* одним – но скоро увидела, что чуть-чуть не попала в болото (...) Теперь мне очень бы хотелось от *тебя* слышать, как смотрят в Берне на дело Нечаева и особенно на дело Серебrenникова (соотечественник твой, он сибиряк, крестьянин бывший из Иркутска), т.е. мнение ваше и разных Вотгов (!). Бакунин писал, что они советуют как можно больше об этом шуметь, распространять брошюры, статьи и главное хлопотать о процессе, – и что сами они взялись за дело с большим жаром, – верно ли это? – Пожалуйста, не удивляйся, милая моя, что я переспрашиваю тебя, но, *entre nous soit dit*^{333*}, я по опыту знаю, что Б(акунин) иногда не прочь представлять факты то в том, то в другом свете, смотря по тому, как выгоднее.

Не раз я уж собиралась к тебе, Маша, с тех пор как мы здесь, в Женеве, не с простым визитом, я, чтоб убежать из Женевы, чтобы разом освободиться от глупых историй, в которых я запуталась или, лучше сказать, меня запутали (как и много других, эксплуатируя их честность и слишком доброе сердце). – Голова у меня кружилась по временам, и я думала: “Поеду поскорей к доброй моей Маше, отдохну немножко там”. Natalie мне помогала и тоже уговаривала ехать, но вдруг все обстоятельства переменялись, и я освободилась не уезжая; – осталась у меня только сильная ненависть против людей, которые проповедуют иезуитскую фразу: “*Цель оправдывает все средства*” – и на *практике* доказывают или *показывают*, что они в этом убеждены”.

В процитированном письме скорее передавалось внутреннее состояние Н.А. Герцен, ее душевные переживания; понять же, в чем конкретно состояло ее участие в “нечаевском” деле, Рейхель из этого письма, конечно, не могла. Видимо, в ответ на ее вопрос, чем вызвана такая тревога, осторожная Наталья Александровна в следующем письме (от 16 июня 1870 г.) замечает: “Не могу я ничего объяснить тебе письменно...” А в другом письме, начало которого не сохранилось, а поэтому не имеет даты, Наталья Александровна писала, осмысливая свой опыт, почерпнутый к этому времени из “нечаевской” истории: “Будь *очень* осторожна со всеми новыми русскими. Помни, между ними вырабатывается новый тип нечаевцев, или *иезуитских революционеров*, которые готовы на все возможные гадости для достижения их цели – т.е. революции в России. Для этого они позволяют себе самым наглым образом *лгать*, читать чужие письма, красть бумаги, ключи и т.д. В России они заставляют людей отдавать им страшные суммы денег, *пугая их*, что донесут на них в Третье отделение. – Это *факты* Маша, просто суммуйтительно”¹².

Известно, что Н.А. Герцен тщательно сохраняла в своем архиве документы, относящиеся к “нечаевской” истории, но в следующих письмах 1870–1871 гг. “нечаевская” история отходит на второй план¹³. Другие события захватывают Наталью Александровну, и это прежде всего события начавшейся Франко-прусской войны.

Война всегда была для дочери Герцена ненавистна. Человек исключительно гуманный и чуждый всякому насилию, она, предвидя саму даже возможность возникновения войны, писала 26 мая 1866 г. Рейхель (тогда ожидалась война Пруссии и Италии с Австрией): “Значит, скоро Европа будет опять вся в крови. Ужасная эта война! Здесь многие желают и с нетерпением ее ждут. А чем больше я слышу и думаю о войне, тем гаже, отвратительнее и страшнее она мне кажется. Человек становится хуже дикого зверя, миллионы людей убивают друг друга, большею частью сами не зная, с какой целью, и не думая о последствиях, о страданиях близких после каждой смерти, каждой раны...”

333* между нами говоря (*франц.*).

Теперь, когда другая война разразилась, Н.А. Герцен внимательно следит за ходом “безумной войны” между Францией и Пруссией (причем симпатии ее явно на стороне французов), а затем и за событиями Парижской коммуны.

Но прежде чем привести содержащиеся в письмах к Рейхель отклики Н.А. Герцен на эти события, обратим внимание на одно место из письма от 2 октября 1870 г., касающиеся М.А. Бакунина. Давно знавшая его, близко общавшаяся с ним в Женеве во время “нечаевской истории”, она получила перед его отъездом из Женевы слова благодарности “за беспристрастное участие”, которое принимала “во всех этих неприятных делах” (письмо от 16 июля 1870 г.)¹⁴. Уже из Локарно Бакунин 2 августа обратился к Н.А. Герцен с просьбой сообщать извещения о военных действиях идущей Франко-прусской войны, поскольку в Женеву “извещения о военных действиях доходят посредством телеграфа тотчас же”, а в Локарно “через дня два”: “Всякий раз, когда случится что крупное, французы ли вошли в Германию и поколотили немцев, немцы ли во Францию и поколотили французов (...) какая-либо новая держава: Россия, Австрия, Дания, Италия, Англия приступила к войне (...) телеграфируйте мне (...) да как можно точнее и подробнее”¹⁵. Сам же Бакунин уже в сентябре оказался во Франции, в Лионе, куда поспешил, чтобы принять там участие в революционных событиях. Об этом эпизоде из бурной революционной деятельности Бакунина и его новом поражении рассказала Н.А. Герцен в упомянутом выше письме: «Уезжая, Бакунин мне оставил оригинал своего завещания, дорогая моя Маша, и просил тебе переслать, — что с ним делать, ты сама знаешь. Ты верно уже слышала, что и как он бунтовал народ в Лионе; удалось им (т.е. ему и полдюжине ультрарадикалов) быть хозяином Hôtel de Ville³³⁴ в продолжении семи часов! — Но рано обрадовались — народ стал не доверять, говорить, что Бог их знает, пожалуй “прусские шпионы”! Это не шутка при теперешних обстоятельствах — пришлось им всем поскорей бежать. Говорят, что Бакунин теперь в Марселе, хочет делать *penetition*³³⁵ — но выйдет ли прок из всего этого, вопрос. Каждый день приходится удивляться невежеству и равнодушию французов».

Первый отклик о событиях Франко-прусской войны содержится в письме от 8 октября 1870 г. В нем Наталья Александровна писала: “(...) У Фогта сильная мигрень — что не помешало ему очень энергически высказать свое мнение о Б(акунине) и о сумасшедших *rouges*³³⁶ Франции. Да и в самом деле, они, пожалуй, больше вредят теперь, перепугали буржуазию, которая без них, может быть, осталась бы и защищала бы родину. — Да, ужасное положение — и исхода предвидеть нельзя, — разорение обеих стран, нет, Пруссия не разорится, но лучшую часть народонаселения потеряет — это еще хуже (...) Бедные Шарлоки! Карл Фогт предсказывает ужасную реакцию и милитаризм в Германской империи (...)”.

Итак, подошла первая годовщина со дня смерти Герцена. Конечно, Мария Каспаровна не могла забыть трагическую дату. Получив от нее письмо, Наталья Александровна ей отвечала 24 января 1871 г.: “Мерси, милая, дорогая, добрая моя Маша, за то, что вспомнила обо мне 21-го числа и написала мне. — И я в это время много думала о тебе, больше, чем ты предполагаешь, может быть, потому что с 14-ого числа (ровно год после того, как Палаша занемог) я опять принялась за переписывание Папашиных писем к тебе. Как он тебя любил и уважал, милая Маша! Эти письма — клад, потому что вряд он кому бы то ни было писал в таком количестве и так откровенно, особенно в самые тяжелые минуты своей жизни.

Огареву он писал часто, когда они расставались, но эти разлуки не длились; письма его к Огареву скорее деловые записки, исключая какую-нибудь дюжину. Все, что было на душе, составлялось до свиданий и разбиралось *viva voce*³³⁷”.

“Сколько он страдал! — заключает Наталья Александровна. — И как обманчива была его живость, его внешняя веселость; ведь те, которые его мало знали, считали его самым веселым и беззаботным человеком в мире, в частной жизни”.

Но Н.А. Герцен не оставляют волнения, тревоги, думы в связи с продолжающейся Франко-прусской войной. В этом же письме от 24 января 1871 г. она сообщает Рейхель о получении письма от ее старшего сына, своего крестника, Александра, и радуется его отношению к одержанным прусской армией победам: “Письмо его меня очень обрадовало, и я, признаться, боялась, что он сделается *слепым* немецким патриотом, но вижу, что ошиблась и что он может критически относиться к соотечественникам”. И далее она заключает: “(...) И право, как можно хладнокровно читать подробности о беспощадной жестокости и безумного грабежа, *pillage*³³⁸ этих немцев, которые гордятся тем, что они самый образованный народ. Видно,

334* ратуши (франц.).

335* повторение (франц. *répétition*).

336* красных (франц.).

337* “живым голосом”, т.е. в устном разговоре (лат.).

338* разбое (франц.).

развитие мозга мало действует на сердце". Доброта, отзывчивость и сердечность Таты проявляется особенно ярко, когда, узнав о "большой бедности" человека не столь ей близкого, она замечает в том же письме: «(...) пока пруссаки не совсем уничтожили наш дом в Париже, надобно пользоваться, давать всем, которые пострадали от этой безумной войны»¹⁶.

В Женеве Наталья Александровна стала свидетельницей тех бедствий, которые принесла война простым людям. В письме от 17 марта 1871 г. она сообщала Рейхель, зная, что найдет отклик в ее сердце: "У нас опять биза, вьюга (...) точно в декабре! Несмотря на это бесконечные поезда, битком набитые франц(узскими) *internés*^{339*}, проезжают под окнами нашими, толпы людей всевозможных возрастов и классов выбегают, кричат, шумят, махают платками – и даже подают хлеб, сыр и т.д."

В письмах Н.А. Герцен нашло отражение и ее отношение к революционным событиям в Париже, к судьбе участников Парижской коммуны. А когда ей стало известно, что среди восставших были давние знакомые ее отца, в частности, братья Ж.-Ж.-Э. и М.-Э. Реклю (первый из них присутствовал на похоронах Герцена в Париже), симпатии ее явно оказались на стороне восставших. 17 апреля 1871 г. Н.А. Герцен писала Рейхель: "В здешних газетах я нашла, что в числе инсургентов, взятых в плен версальцами, находятся братья Reclus, наши хорошие знакомые, – чрезвычайно благородные, честные и развитые люди. *Elisée Reclus* довольно знаменит своими научными работами. – Факт, что они участвовали в восстании, мне опять вселяет доверие в парижское движение и опять приходит в голову – не преувеличивают ли версальцы нарочно ужасы, которые рассказываются о парижском терроре? Братья Reclus совсем не *ultra rouges*^{340*}, они знают Бакунина, но не сочувствуют с его *мерами*. Неужели и их расстреляют! В самом деле, человек – самый жестокий и злой зверь".

Спустя несколько месяцев, когда Парижская коммуна была разгромлена и расправы над ее участниками продолжались, Н.А. Герцен еще определеннее сформулировала отношение к происходящим событиям. В июльском письме (от 9–21) 1871 г. она написала Рейхель: «(...) Все шло по-старому, своим порядком, в частной жизни, а за этим – такие ужасы, что волосы дыбом стоят, т.е. в общественной жизни. – По-моему, Коммуна поступила нелепо, уничтожая Тюльери, – насчет остальных ужасов, о которых столько кричат и говорят, не надобно спешить судить, Бог знает, что выдумывают насчет этой несчастной Коммуны. – Я знаю лично несколько из ее членов и знаю, что они не допустили бы никаких *excess*^{341*}. Все, что говорится о *petroleuses* и *petroleurs*^{342*} – тоже выдумки; они уничтожали дома, которые им мешали защищаться. Но всем *антисоциалистам* и буржуа выгодно чернить это движение да доказывать, что члены Коммуны больше ничего – как шайка разбойников и *échappés des bagnes*^{343*} – кажется и Саша твоей склонен на них так же смотреть. – А то, что заставляет волосы дыбом стать – это теперешнее поведение версальцев. – Тут мы наверное знаем, что безжалостно расстреливают мужчин, женщин и даже *детей* – я знаю это по рассказам *очевидцев*. – Потом официальный их^{344*} журнал объявляет: "Застрелены такой-то или такая-то" – а я *навверное* знаю, что они живы и здоровы и что им удалось бежать. – Что же это доказывает? – Что на их место расстреляли *невинных*».

Кстати, в этом же письме Н.А. Герцен высказывала мысль о том, что именно революционные события во Франции сыграли решающую роль в полученном отказе русского правительства в возвращении в Россию (о получении официального отказа, без всякого объяснения причин, сообщалось Рейхель ранее, в письме от 17 мая 1871 г.)¹⁷. Теперь же, 9 июля 1871 г., Н.А. Герцен писала: "Сначала мы все еще надеялись, что впустят в Россию, несмотря на отказ – но после истории Коммуны в Париже и думать нечего. – В России тоже пойдет реакция..."

Пристальное внимание и активный интерес к общественно-политической жизни в Западной Европе, – к тому, что Герцен называл "общим", характерны для Натальи Александровны в первый период после смерти отца. Одновременно никогда не ослабевал ее интерес и к событиям в России. Судя по письмам к Рейхель, она внимательно читала доходившие до нее русские газеты и журналы (в ее письмах упоминаются "Неделя", "Дело", "Русская старина", "Вестник Европы"). Определялся же ее интерес прежде всего тем, что так или иначе было непосредственно связано с именем Герцена, посмертной судьбой творчества.

Когда в февральской книжке журнала "Русская старина" за 1886 г. была напечатана пер-

339* интернированными (франц.).

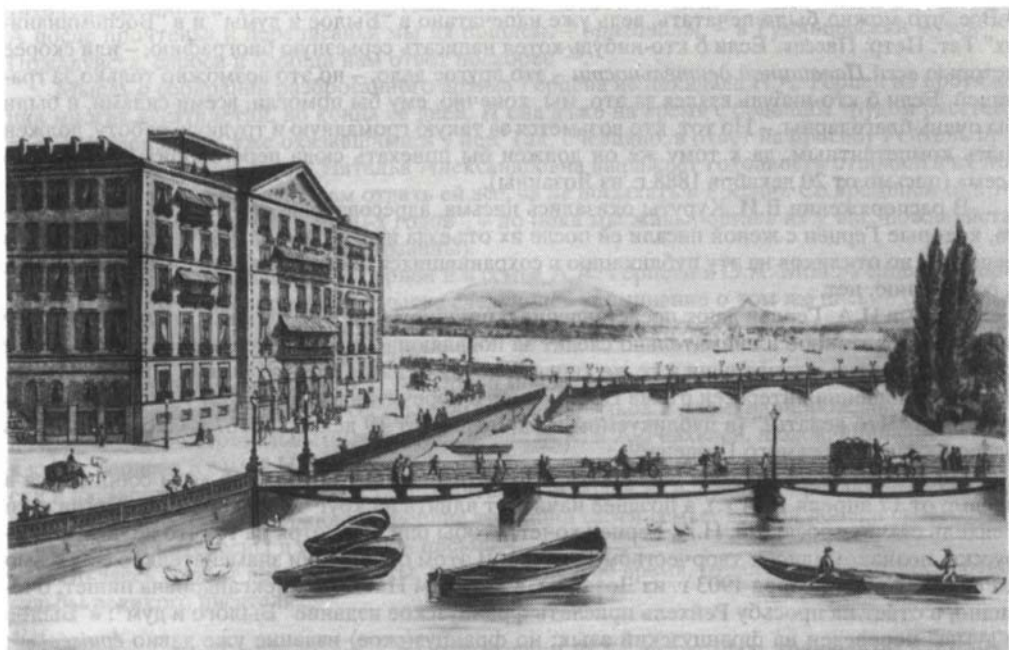
340* ультракрасные (франц.).

341* эксцессов (франц.).

342* поджигательницах и поджигателях (франц.).

343* беглых каторжников (франц.).

344* Т.е. версальцев.

ЖЕНЕВА. ОТЕЛЬ "DES BERGUES"

Картина неизвестного художника (масло), 1860-е годы

Коллекция отеля "Des Bergues", Женева

В отеле "Des Bergues" Герцен жил с семьей в 1849 г. В 1867 г. он жил вблизи этого отеля (набережная Монблан, 7) вместе с дочерью Татой

вая глава третьего тома воспоминаний Т.П. Пассек "Из дальних лет", Н.А. Герцен, сожалел, что не может послать Рейхель журнала ("Если можешь, достань этот № и следующие; m-me Шумахер могла бы тебе прислать"), в письме от 14 марта 1886 г. из Парижа поделилась с Рейхель своими впечатлениями от появившейся публикации: "Сама Тат(ьяна) Петр(овна) почти ничего не рассказывает, а печатает письма Огарева и между прочим письмо одно *твое*. Что – это без твоего позволения?"¹⁸. Узнав о том, что Пассек намеревается опубликовать якобы имеющуюся у нее копию пятой части "Былого и дум" с рассказом о семейной драме Герцена, Н.А. Герцен в возмущении замечала: «Как Тат(ьяна) Петр(овна) *смеет* печатать это без нашего позволения? Не сказав даже ничего об этом *нам – детям?* – Это было бы просто подлость, – и все еще не верится. Может быть, это только слухи. И она хвастается, чтоб побольше покупали ее "Воспоминания"». Наталья Александровна спрашивала Рейхель, не передала ли она Пассек – при последней их встрече в Берне – копию этой рукописи Герцена и просила: "Черкни словечко поскорее об этом, пожалуйста (...) это *очень важно* для нас". Очевидно, получив ответ от Рейхель, что рукописи у Пассек нет, Н.А. Герцен в следующем письме к ней, от 27 марта 1886 г., писала: «Я тоже успокоилась немножко по прочтении "Старины"». Она просила Рейхель написать Пассек, что та "неделикатно поступает, не прося *позволения* печатать письма, тем более, что она все путает в объяснениях": "Напомни ей, что никакой рукописи ты ей не читала, а печатать чтоб то ни было из Папашиных бумаг без нашего позволения было бы подло".

О серьезном внимании Н.А. Герцен к любой возможной публикации, посвященной Герцену, свидетельствует, в частности то, как откликнулась она на полученное от Рейхель известие о намерении Владимира Ивановича Куруты, сына И.Э. Куруты (владимирского гражданского губернатора, близкого знакомого Герцена во время его ссылки во Владимир) осуществить публикацию находящихся в его распоряжении "36 писем Папаше и Мамаши" и написать биографию писателя. Наталья Александровна была знакома только с сестрой В.И. Куруты – О.И. Лион и не могла понять из неизвестного письма Рейхель, в каких отношениях находился В.И. Курута с Герценом и как в его распоряжении оказались письма родителей. Она расспрашивала об этом Рейхель и высказывала свое отношение к возможности появления биографии отца: «Ты совсем справедливо замечаешь, что *полная биография невозможна* пока в России.

– Все, что можно было печатать, ведь уже напечатано в “Былое и думы” и в “Воспоминаниях” Тат. Петр. Пассек. Если б кто-нибудь хотел написать серьезную биографию, – или скорее историю *всей Папашинной деятельности* – это другое дело, – но это возможно только за границей. Если б кто-нибудь взялся за это, мы, конечно, ему бы помогли, всеми силами, и были бы очень благодарны. – Но тот, кто возьмется за такую громадную и трудную работу, должен быть компетентным, да к тому же он должен бы приехать сюда переговорить с нами обо всем» (письмо от 20 декабря 1888 г. из Лозанны).

В распоряжении В.И. Куруты оказались письма, адресованные его матери – Ю.Ф. Курута, которые Герцен с женой писали ей после их отъезда из Владимира. Они-то и появились в печати¹⁹, но откликов на эту публикацию в сохранившихся письмах Натальи Александровны, к сожалению, нет.

Письма Н.А. Герцен дают представление о широком круге ее чтения. Она перечитывает некогда прочитанное и внимательно следит за появляющейся новейшей литературой. Порой корреспондентки читают одни и те же книги, а потом делятся впечатлениями о прочитанном. В этом отношении интересен отзыв Н.А. Герцен о перечитанном ею в 1867 г. романе Чернышевского “Что делать?” (в публикуемом нами письме от 19 декабря 1867 г.), который очень близок к оценкам самого Герцена²⁰.

По просьбе Рейхель, она посылает ей “Мертвые души” Гоголя (об этом сообщается в письме от 17 апреля 1871 г.), а позднее начинает влиять на круг чтения ее детей. Когда дети Рейхель стали взрослыми, Н.А. Герцен хочет, чтобы они, несмотря на то, что не читают по-русски, познакомились с творчеством Герцена. В этом отношении знаменательно ее письмо к Рейхель от 2–4 ноября 1903 г. из Лозанны, в котором Наталья Александровна пишет, очевидно, в ответ на просьбу Рейхель прислать французское издание “Былого и дум”: “Былое и думы” переведен на французский язык; но француз(ское) издание уже давно *épuisée*^{345*}; мы годы искали даром у разных антикваров²¹. Мой франц(узский) экземпляр в Париже; спрошу у Саши, – может быть, он решится расстаться с ним на некоторое время и послать Алексу²². – Я понятия не имела о том, что Алекс не читал “Былое и д(умы)”; мне казалось, что он, как *сын твой*, должен знать все сочиненья Папашины, – забывая, что он не знает по-русски».

Из отзывов Н.А. Герцен о произведениях русской литературы существенным представляется ее отклик на роман Л.Н. Толстого “Анна Каренина” в письме к Рейхель от 30 сентября 1885 г. из Парижа. Несомненно, что речь в письме идет о чтении вышедшего в 1885 г. французского перевода романа, поскольку в семье младшей дочери Герцена Ольги по-русски тоже не читали. Н.А. Герцен писала: «Мы тоже здесь читаем “Анну Кар(енину)” – удивительный человек этот Л. Толстой. Как он знает человеческую душу, – и как описывает. Я его ужасно люблю как автора. – Мы давно уже думали, что он кончит тем, что с ума сойдет. Ведь он под конец только религиозную чепуху писал. – Сжигал свои прежние работы и стал сапоги шить, говорят. – Перевод “Анны Кар(ениной)” хорош, но только это не он сам переводил, а М-ме Богомолец, хорошая наша знакомая, дочь винооторговца Dépret в Москве, у которого жила несколько лет m-lle Michel²³ после того, как она оставила Тучковых».

Упоминаемое в письме Н.А. Герцен издание “Анны Карениной” – это первое двухтомное французское издание романа, которое вышло в Париже в 1885 г., в издательстве Nacheite, при этом имя переводчика в книге указано не было. Настоящим письмом Н.А. Герцен устанавливается, что на французский язык роман Толстого перевела А. Богомолец. Авторство ее подтверждается и самой переводчицей, так как десять лет спустя, 24 февраля 1895 г., она написала Толстому из Парижа, что переводит с русского не только на французский, но и на шведский язык и спрашивала совета писателя, что бы еще из его произведений, ей перевести²⁴.

Готовая откликнуться сочувственным словом на всякую боль близкого и дальнего человека и прийти на помощь, Н.А. Герцен спрашивала Рейхель обо всех знакомых в России, страдала, что не может помочь всем нуждающимся. Она с большим сочувствием относилась к судьбам друзей из московского кружка Герцена. Получив от Рейхель известие о кончине Н.Х. Кетчера (1886), она так отозвалась на это печальное сообщение: “Смерть Кечера (!) я узнала через (А.А.) Мещерского. Да, один (Е.Ф.) Корш остается теперь; да Татьяна (Алексеевна) Астрова, жива ли она?” (письмо от 14 ноября 1886 г. из Лозанны).

Получив же от Рейхель сведения о том, что Кетчер передал А.В. Станкевичу сохранявшиеся у него письма Герцена, пишет, что ей и А.А. Герцену “ужасно бы хотелось видеть и прочесть письма Папашины” и обращается к Рейхель с просьбой (в письме от 6 октября

^{345*} распродано (франц.).

1898 г. из Лозанны): “Не может ли Станкевич прислать их нам и позволить нам их переписать? А после прочтения и переписания мы их пошлем, — *оригиналы*, — в Румянцевский музей^{346*}. Пожалуйста, спроси и сообщи нам ответ поскорее”²⁵.

Мысль о собирании разбросанного архива Герцена не покидала Н.А. Герцен на протяжении многих десятилетий, до конца ее дней. И она даже на время с большим трудом расставалась с материалами, уже оказавшимися у нее. Так, очевидно, в ответ на просьбу Рейхель прислать письма Герцена к ней, Наталья Александровна выражает готовность отправить их Марии Каспаровне — но с условием отдать ей все, «а не посылать в Россию. Со временем они тоже попадут в “комнату людей 40-х годов”, — но пока мы живы, оставь их у нас, пожалуйста» (письмо от 2–4 ноября 1903 г. из Лозанны).

Бережно сохранялись Н.А. Герцен и в семье А.А. Герцена и О.А. Моно-Герцен мемориальные вещи. Интересно в этом смысле следующее упоминание о том же письме от 2–4 ноября 1903 г.: “У Саши бронзовая рука Мамашина, а у меня гипсовая. Маску ее я возьму к себе, когда ты захочешь с ней расстаться”²⁶.

По сохранившимся письмам Н.А. Герцен можно проследить не только события ее долгой жизни, но и жизни ее брата и сестры Ольги, племянников и племянниц, рождавшихся и становившихся самостоятельными, судьбу сыновей М.К. и А. Рейхелей, людей, принадлежавших к кругу Герцена и самой Натальи Александровны, многочисленных знакомых, живших в России и на Западе. Из этих писем встает обаятельный облик Н.А. Герцен, преданной своим родным и близким, олицетворяющей лучшие традиции своей семьи, верной дочери своего отца. И этим тоже интересны и важны эти письма.

Но здесь встают другие сюжеты, наступает другое время, отдаляющееся от посмертной судьбы великого писателя...

Письма публикуются впервые, по фотокопиям РГБ с автографов, хранящихся в ВН, письма 1–8 подготовлены и прокомментированы И.Г. П т у ш к и н о й, письма 9–21 — С.Д. Л и ш и н е р.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ XXX, 239. 4 декабря 1864 г. умерла дочь Герцена и Тучковой-Огаревой Елена (Лёля-гёрл).

² Письмо от 8 ноября 1869 г. (XXX, 240).

³ XXX, 270.

⁴ XXX, 274.

⁵ XXX, 242.

⁶ О роли Н.А. Герцен в собирании и хранении рукописного наследия Герцена см.: С.В. Ж и т о м и р с к а я. Судьба архива Герцена и Огарева (“Лит. наследство”, т. 96).

⁷ Ср. прим. 4 к публикации дневника Н.А. Герцен (“Лит. наследство”, т. 96, с. 461).

⁸ РГБ, ф. 69. 24.14, л. 3 (здесь и далее все письма Н.А. Герцен цитируются по фотокопиям с автографов ВН; в дальнейшем, для того, чтобы не перегружать статью ссылками, шифры, как правило, не указываются; все фотокопии хранятся в РГБ, ф. 69. 24. 11–27).

⁹ См. ЛЖГ В, 307.

¹⁰ Подробно об этом, с использованием неопубликованных писем Н.А. Герцен к Рейхель, см.: С.В. Ж и т о м и р с к а я. Указ. соч. (“Лит. наследство”, т. 96, с. 557–558). Не используются в настоящем обзоре в основном и те места из писем Н.А. Герцен, в которых она касается вопроса о публикации пятой части “Былого и дум” с рассказом о семейной драме Герцена, поскольку они также полностью вошли в работу Житомирской.

¹¹ “Лит. наследство”, т. 96, с. 413–546.

¹² РГБ, ф. 69. 24. 19, л. 11–12 (здесь письмо отнесено к августу 1873 г., однако оно скорее могло быть написано в 1870 или 1871 г.).

¹³ Есть два важных упоминания о С.Г. Нечаеве. В письме Н.А. Герцен от 8 октября 1870 г. содержится следующий отзыв об изданном в Лондоне Нечаевым и В. Серебренниковым № 1 журнала “Община”: «Natalie мечтает (пока *entre nous* (между нами — франц.)) о России, и я все больше и больше об этом думаю. Но—но, отличился Нечаев и С-ие, напечатал один № журнала “Община”, в котором требует от Огарева и Бакунина какие-то деньги — и чтоб переслали через *мое* посредство, так как я *заведую их кассой*. Это только милая шутка, чтоб отомстить за то, что, раскусив их, я отшатнулась с ужасом. Авось пройдет незаметно в России, да надеюсь, никто не поверит, — знают, какие они мастера во лжи». В письме к Рейхель от 9 июля 1871 г. Н.А. Герцен сообщала: “Вчера мы получили русские газеты с полным отчетом о процессе Нечаева. Зная, как это тебя интересует, я тебе пришло, как только здесь все прочтут. — Ловкий малый, нечего сказать, — в убийстве Иванова он сильно участвовал, как ты увидишь”.

^{346*} Или им, Станкевичам) отошлем, если они предпочитают. — Прим. Н.А. Герцен.

¹⁴ “Лит. наследство”, т. 96, с. 542.

¹⁵ Там же, с. 546.

¹⁶ В письме от 7 февраля 1871 г., давая Рейхель отчет о финансовом состоянии семьи (“В 1870 году каждый из нас получил около 9000 фр.”) и получаемых доходах, Н.А. Герцен заметила: “В нынешнем году получим скорее меньше, чем больше, вследствие войны, – парижский дом ничего не дает. Конечно, я не все употребляю на себя; ты ведь знаешь, что я сравнительно довольно просто одеваюсь, неприхотлива и т.д.”

¹⁷ Подробности об обстоятельствах этого готовящегося и несостоявшегося отъезда в Россию см.: С.В. Ж и т о м и р с к а я. Судьба архива Герцена и Огарева (“Лит. наследство”, т. 96, с. 558–560).

¹⁸ Текст воспоминаний Пассек, который имеет в виду Н.А. Герцен, см.: Пассек II, с. 461–466.

¹⁹ В.И. Курута осуществил эту публикацию писем Герцена и его жены. См.: В. К у р у т а. Из материалов для биографии Александра Ивановича Герцена (РМ, 1889, № 5, (отд. 2), с. 1–16; № 6, (отд. 2), с. 1–19).

²⁰ Аннотацию письма Н.А. Герцен см. ЛЖГ IV, 503. Об отношении Герцена к роману см. в ЛЖГ III, IV (по указателю), а также: Г.Н. А н т о н о в а. Роман “Что делать?” в оценке Герцена (сб. “Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы”, вып. 9. Саратов, 1983, с. 57–73).

²¹ Несомненно, что Н.А. Герцен имеет здесь в виду трехтомное французское издание “Былого и дум”, перевод которого был осуществлен А. Делава: “Le Monde russe et la Révolution. Mémoires de A. Hertzén”, (t. 1), Р., 1860; (t. 2), Р., 1861; (t. 3), Р., 1862 (см. ЛЖГ III, 98–99, 213, 303).

²² Старший сын Рейхель Карл Александр, которому в это время уже было 50 лет (род. в 1853 г.).

²³ Каролина Мишель – в 1840-е гг. гувернантка сестер Н.А. и Е.А. Тучковых (о ней см. АО, с. 304).

²⁴ Письмо А. Богомолец к Л.Н. Толстому не опубликовано; хранится в Отделе рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого (сообщено Л.В. Г л а д к о в о й).

²⁵ Поисками бумаг Н.Х. Кетчера ранее занималась Е.С. Некрасова; она узнала, что его архив передан А.В. Станкевичу (см. “Лит. наследство”, т. 96, с. 578), однако получить его ей не удалось. Очевидно, что именно эти сохраненные Кетчером письма Герцена оставались в собрании Станкевича, за границу не посылались и были переданы в “Комнату людей 40-х годов” Румянцевского музея только в 1922 г. Е.В. Герье, дочерью племянницы Станкевичей Е.И. Герье (урожд. Токаревой, “Души” – см. прим. 6 и п. 6 наст. публикации) и историка В.И. Герье (см. “Записки Отдела рукописей” Госуд. библиотеки им. В.И. Ленина, вып. 37, М., 1976, с. 209–210).

²⁶ Все упомянутые “мемории” хранятся теперь в фондах ГЛМ, куда поступили из “пражской коллекции” (см. А.И. Герцен, Н.П. Огарев и их окружение. Книги. Рукописи. Изобразительные материалы. Памятные вещи. Материалы из собрания Госуд. литературного музея. Каталог. М., 1992, с. 102).

1

(Фулем. 14 июня 1859 г.)¹

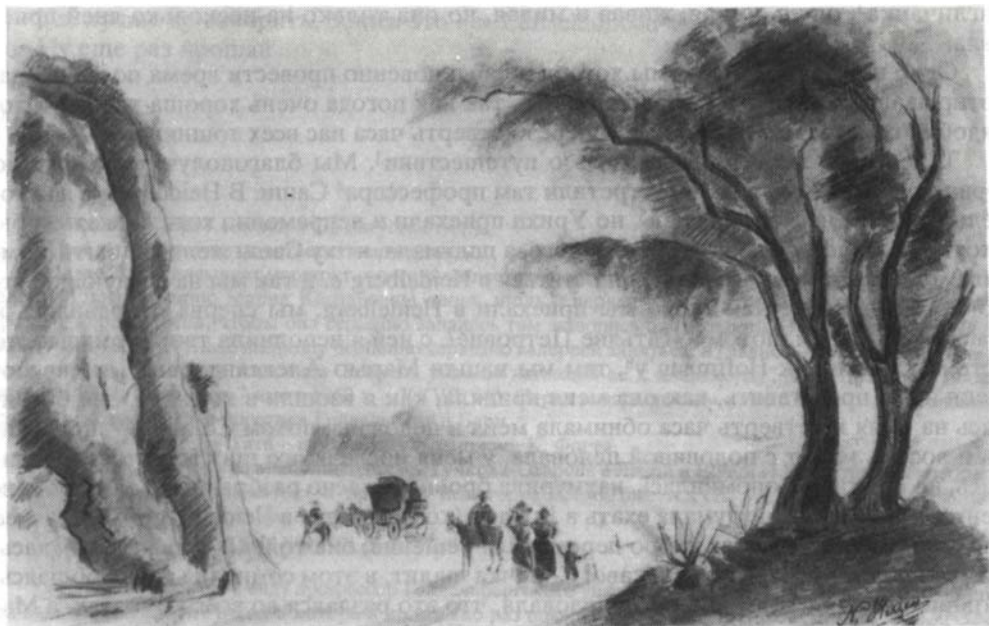
Милая моя Маша,

благодарю тебя много раз за описание Дрездена². У нас тоже хорошо, очень большой сад и не очень далеко от Лондона³, но одно все это портит, погода, погода здесь прескверная, правда, что зимы у нас не было, но зато и лета нет, небо все густо-серыми тучами покрыто, и третьего дня такая гроза была прямо над нами, что мы каждую минуту думали, что дом наш развалится, надеюсь, что осень будет зато лучше.

Вот через два месяца Саша приедет⁴, скоро его рождение будет, но мы ему подарки приготовим для приезда, потому что довольно трудно посылать. В апреле было папино рождение⁵, мы, то есть я и мой учитель музыки⁶, представляли сцену из “Bourgeois-Gentilhomme” Molière⁷, а потом в другой комнате была приготовлена цыганская палатка, мы все оделись цыганами и мужиками и несколько песни выучили, но что в этот вечер ничто не шло по-русски, после этого мы пошли обедать, и вдруг нам неожиданный десерт принесли, это нам наш итальянский повар⁸ сюрприз сделал, подают высокий пирог, из нуги сделанный. Папа сказал мне снять верхнюю часть, я “отбила”, и из пирога куча маленьких птиц улетела. Так мы этот день очень весело провели, и гости только в первом часу разошлись.

Ну, прощай, милая Маша, я должна кончить, потому что мы едем портреты делать⁹.

Много раз вас всех целую.

ДОРОГА БЛИЗ НИЦЦЫ

Копия Таты Герцен (7 сентября 1859 г.) с акварели Э. Браше (1850), принадлежавшей Н.А. Герцен (матери)

Музей Герцена, Москва

"Как приязана я к этому уголку земли" (Тата Герцен – М.К. Рейхель, 19 декабря 1867 г.)

¹ Датируется по непосредственной связи с письмом Герцена к М.К. Рейхель от 14 июня 1859 г., с которым и было отправлено. См. XXVI, 274.

² Письмо Рейхель, на которое отвечает Тата, неизвестно, как и другие ее ответные письма (за исключением письма от 24 января 1870 г. – см. прим. 2 к п. 21 наст. публикации). Семья Рейхель в начале июня 1857 г. переехала из Парижа в Дрезден (см. XXVI, 96, 100–101), где А. Рейхель занял должность капельмейстера певческой капеллы.

³ Герцен с семьей переехал из Путнея в Фулем (Percy Cross, Park House) 24 ноября 1858 г. – XXVI, 225, 227. См. Тучкова-Огарева, 142–143; ЛЖГ II, 454.

⁴ А.А. Герцен приехал из Берна (Швейцария) в Фулем между 10 и 16 августа 1859 г. и пробыл в Англии до 29 сентября 1859 г. – См. ЛЖГ III, 66, 75.

⁵ О праздновании дня рождения Герцена в 1859 г. см. также в его письме к Рейхель от 6–7 апреля 1859 г. (XXVI, 252). См. ЛЖГ III, 31.

⁶ В это время уроки музыки Тате давал А. Таландые. См. XXVI, 252, XXX, 824.

⁷ О представлении на дне рождения Герцена сценки из "Мещанина во дворянстве" Мольера см. также XXX, 824.

⁸ Речь идет о В. Тассинари, который был нанят поваром в дом Герцена по рекомендации Дж. Маццини в феврале 1859 г. и рассчитан 30 августа 1861 г. См. XXVI, 237; XXVII, 163; Тучкова-Огарева, 143.

⁹ Очевидно, в этот день была сделана фотография Герцена с дочерьми Татой и Ольгой, которая хранилась у Рейхель. – См. "Описание изобразительных материалов Пушкинского Дома, VII", М.-Л., 1962, с. 60, № 319. Воспроизведена: "Лит. наследство", т. 96, с. 681.

2

Рукой Герцена:

Это фейерверк из нашего дома.

Рукой Н.А. Герцен:

(Борнемут.) 8 сентября 1860

Милая моя Маша.

Благодарю тебя за записочку. Да, я очень весело провела именины¹ и много подарков получила. У нас в доме теперь две молодые девушки моих лет. Marie – молодая немка семнадцати лет, она за Олей смотрит и занимается с ней, другая –

англичанка², очень умная, живая и милая, но она только на несколько дней приехала.

Одно не удалось вчера, мы хотели необыкновенно провести время после обеда, вотирывали голосами и все решили, что, так как погода очень хороша и море тихо, надобно покататься, мы пошли, и через четверть часа нас всех тошнило.

Теперь что же тебе рассказать о путешествии³. Мы благополучно доехали до Франкфурта, там ночевали, встретили там профессора⁴ Саши. В Heidelberg'e мы хотели остаться несколько дней⁵, но Урихи приехали и непременно хотели ехать, я бы охотно осталась, но делать было нечего, я подумала, что у Саши желание быть с Эммой⁶ еще сильнее моего желания остаться в Heidelberg'e, и так мы на следующее утро уехали в Берн. Как скоро мы приехали в Heidelberg, мы сперва отправились к Natalie и Сатинам, потом к Татьяне Петровне⁷, с ней я исполнила твою комиссию, то есть мы поехали к Hoffmann'у⁸, там мы нашли Марью Александровну⁹, ты не можешь себе представить, как она меня приняла, как я вошла в комнату, она бросилась на меня и четверть часа обнимала меня и целовала, потом Соничка¹⁰ прибежала и восемь минут с половиной целовала, у меня после этого просто голова кружилась, но все-таки я опомнилась, нахмурила брови и ужасно разбранила Соничку. Маленькая Соничка и не думала ехать в Лондон (когда я была в Heidelberg'e), когда я ее спросила, отчего она так скоро переменила решение, она только лукаво улыбалась, но так лукаво у-у...у... как лукаво; Соничка шалит, в этом сомнения нет. Прощаясь, Соничка меня с таким шумом поцеловала, что эхо раздалось во всех комнатах, а Марья Александровна так сжала руку, что я до Вега не могла играть на фортепьяно. У Татьяны Петровны я осталась только час или два, она мне очень понравилась, такая добрая и ласковая, и я очень желаю, чтобы она приехала¹¹. Саша и Володя¹² были у портного, когда я у них была, поэтому я с ними не познакомилась, только (несколько) минут их видела, а вот с кем я в это время познакомилась, то есть покуда они платья заказывали, с котенком Т(атьяны) П(етровны), белый флорентинский котенок.

Ну, что же, как все знакомые? Во-первых, кланяйся Юлии¹³ и скажи ей, что я уже... употребила один листочек, а остальные хранятся у меня. Во-вторых, что Зебеки? Спроси Юлию, находит ли она, что Johannes на меня походит, кланяйся им всем. Что Neumann? Приходил он тебе надоедать или нет? А если увидишь случайно Шёнгера, кланяйся ему. Уж лучше я тебе напишу имена всех, которым ты должна кланяться. Маленькой Бётхер, знаешь, моей, а не Сашиной, m-lle Ромберг, m-lle Шенк, Амалии, Кристел, Герману, Ричелу¹⁴. Напиши мне, здоровы ли все, вот еще Кутецам, но ведь ты их не увидишь.

Тебя, милая Маша, Рейхеля и детей тысяча раз обнимаю и целую. Как подвигается симфония Рейхеля?

Твоя Тата Г.

Не получала ли ты писем из России?.. Нет ли для меня записочки от Души?¹⁵

Да, я забыла сказать тебе, что это вид Bournemouth'a и что последний дом налево не Engel's Nest, как ты пишешь, а наш Eagles Nest.

Рукой Герцена:

Лунина получил – несмотря на aviso^{347*}, что его посылать не нужно¹⁶, и письмо потом. За все мертвецки благодарю.

Рукой Н.А. Герцен:

Но уж какие мечты у нас теперь, ты себе и представить не можешь, все Италия да Италия, Неаполь да Garibaldi, а мы живем в большом доме в Неаполе, из всех окон превосходные виды, Неаполитанский король совсем исчезает... один Garibaldi...

^{347*} предупреждение (итал.).

Уж лучше не говорить, боюсь это все Luftschloßbau^{348*}.
Ну еще раз прощай.

Твоя Т а т а

Eagles Nest.
Bournemouth.
Hampshire.

¹ Именины Таты 7 сентября (26 августа ст.ст.).

² Имя этой англичанки остается неизвестным.

³ Далее Тата описывает маршрут своего путешествия после отъезда из Дрездена, где она жила у Рейхелей, по приглашению Марии Каспаровны, июнь, июль и первые дни августа 1860 г. Посылая дочь в Дрезден. Герцен хотел, чтобы она серьезно занялась там живописью и музыкой. Об этом он писал Рейхель 19 мая 1860 г.: "...вас попрошу особенно серьезно галереей заняться, и главное – пригласить очень и очень хорошего учителя живописи. Рейхеля умоляю нагайкой ее к клавиатуре" (XXVII, 50; см. также письмо к Н.М. Сатину от 7 июня 1860 г. – XXVII, 61). Перед возвращением в Англию, в сопровождении брата Александра, Тата посетила Гейдельберг и Берн.

⁴ Кого имеет в виду Тата – неизвестно. Возможно, К. Фогта.

⁵ В Гейдельберге в это время находилась Тучкова-Огарева с Лизой и Е.А. и Н.М. Сатины, у которых Тата должна была остановиться и пробыть некоторое время (см. XXVII, 78), однако, по желанию А.А. Герцена, они тут же выехали в Берн.

⁶ Эмма Урих, в это время невеста А.А. Герцена.

⁷ Т.П. Пассек.

⁸ Очевидно, имеется в виду профессор Гейдельбергского университета К.К. Гофман, с которым Герцен был знаком еще в России и который несколько раз посещал Герцена в Путнее (см. ЛЖГ II, 320–322, 357).

⁹ Тата познакомилась с украинской писательницей М.А. Маркович (псевд. Марко Вовчок, 1834–1907) во время ее приезда в Англию в августе 1859 г., когда Маркович бывала в доме Герцена в Фулеме. К этому времени Герцен прочитал Тате "Украинские народные рассказы Марка Вовчка" (XXVI, 278), а затем выступил в "Колоколе" в защиту этих "изящных в своей сельской свежести" рассказов в статье «"Библиотека" – дочь Сенковского» (л. 71 от 15 мая 1869 г. – XIV, 266–271). Герцен внимательно следил за творчеством писательницы, считал, что ее "Червоный король" – "гениальная вещь" (см. XXVII, 45, 47).

¹⁰ Софья Карловна Рутцен (Руден), с которой Тата познакомилась в Дрездене (см. в наст. томе письмо Таты к Герцену от 12 июня 1860 г.).

¹¹ Т.П. Пассек побывала в Англии только в конце августа 1861 г. и встречалась с Герценом в Торки (см. ЛЖГ III, 239–241).

¹² Александр Вадимович (1836–1866) и Владимир Вадимович (1841–1880) Пассеки – сыновья Т.П. Пассек.

¹³ Юлия и перечисляемые далее лица: Зебеки (Забеки), Johannes, Neumann, Шёнгер. Бётхер, m-lle Ромберг, m-lle Шенк, Амалия, Кристел (Chirstel), Герман, Кутец – знакомые Таты в Дрездене из окружения Рейхелей.

¹⁴ Эрнст Фридрих Ричель (1804–1861), немецкий скульптор, выполнивший по просьбе Герцена бюст Т.Н. Грановского. См. XXVI, 283, 468; XXVII, 85, 613.

¹⁵ Душа – Е.И. Токарева (см. в наст. томе прим. 4 к письму Таты к Герцену от 12 июня 1860 г.).

¹⁶ Имеется в виду статья декабриста М.С. Лунина "Взгляд на тайное общество в России (1816–1826)", напечатанная ранее в переводе с французского Н.А. Мельгунова в "Полярной звезде на 1859", кн. V. Герцен просил Рейхель не торопиться с присылкой уже ненужного ему "оригинала Лунина", а 6 октября 1860 г. снова повторил, что оригинал "вовсе не нужен теперь" (см. XXVII, 93, 100).

Eagle' Nest.
Bournemouth.
Hampshire.

(Борнемут.) 21 октября 1860

Милая Маша!

Вот что вышло из Сашиних планов, он все-таки не устроил по-своему¹. Я остаюсь в Англии и в скучном Лондоне всю зиму и, может, весною тоже, Ольга едет с m-lle Meysenbug в Париж на четыре или пять месяцев², и так как я не могу жить одна с Папой и с Огаревым, то с нами будет жить эта англичанка, о которой Папа писал и я тебе говорила, что она необыкновенно умна и развита, miss Reeve³. Вперед не

^{348*} воздушный замок (нем.).

могу знать, будет ли приятно с ней жить, я с ней никогда не говорила. На вид она тип steifer^{349*} англичанки, во-первых, она далеко не молода, ей должно сорок лет, острый, преострый нос, крошечные глаза и притом очки, притом всегда пресмешно одета, однако я не должна над ней смеяться. Надеюсь, что зиму я не попустому с ней проведу.

Об Ольге я хотела тебе рассказать, правда, что она все еще шалунья, это плохо, но она с моего приезда гораздо умнее стала ко мне, не дразнит и не надоедает, напротив, короткая разлука и то, что воротилась в длинном платье, так подействовала на нее, что sie hat vielmehr Respekt^{350*} ко мне, чем к Мари и даже m-lle Meysenbug, ей она просто в лицо говорит, что не будет ее слушаться, но ко мне она очень мила. При том она престранный ребенок, она ежедневно играет на песке, здесь, возле, недалеко от нашего дома у моря, здесь тут она познакомилась с какой-то девочкой своих лет и с ней все рассуждает о религии, та, англичанка, конечно, воспитана совершенно религиозно и рассказывает Ольге, все, что знает, что "God is a ghost"^{351*} и что очень нехорошо работать по воскресениям, теперь у Ольги страсть все спрашивать, конечно, иронически, правда ли, что "God is spirit"^{352*}, тогда она всегда поднимает глаза к небу, потом опускает к полу так, что, право, невозможно не хохотать, потом все останавливает нас, говоря: "Ах, Мари, как ты громко смеешься, ведь сегодня воскресенье, не надобно смеяться". Вчера она нас пресерьезно призвала в уголок и показала на паука. "Вот паук работает воскресенье, es ist eine Sünde"^{353*}. Она со мной учится по-русски и, право, удивительно хорошо. Все такая же маленькая, худенькая и чрезвычайно хорошая собой, постараюсь достать ее портрет и переслать тебе, чтобы ты могла себе хоть сколько-нибудь ее представить. А propos de portraits^{354*}, Папа сделал отличный собственный портрет с Огаревым, маленький⁴ в роде наших, то есть моего и Сашиного, и Саша тоже еще два разных сделал, но все гораздо лучше дрезденских.

А знаешь что, Катерина, горничная, которая платье мое разрезала, представь себе, что она уж совсем с ума сошла, говорит, что все ее знают, весь свет бунт против нее устраивает и боится выходить из дому.

Что мой маленький Сашенок⁵, расцелуй его за меня и показывай иногда портрет, чтоб он не так скоро забыл. Что он все еще хорошо учится? Что он читает?

Начинает ли Ernst⁶ говорить? И как маленький Адолф⁷ все такой же слабый?

Благодарю тебя за Душино письмо⁸ и попрошу тебя переслать эту записочку, которую я вложила, когда будешь писать в Россию. Как это несчастно, что у тети Леши⁹ такое слабое здоровье, и чахотка к тому же, как мне ее жаль, бедная.

Что? взяла ты билеты на "Шиллерлоттери"?¹⁰ Не нужно присылать номера, ты сама как хочешь раздели, мы не будем ссориться за них. Что же тебе прислать, право не знаю, пересылка труднее всего, да и обещала я тебе? Кажется, знаешь, что я оставила в Дрездене, то есть у тебя, две пары коричневых ботинок, вот дай их, они все-таки лучше желтых атласовых башмаков. Помнишь? — это шалости, однако я право не знаю, что тебе послать?

А теперь прощай, целую тебя и вас всех.

Твоя Т а т а

Что Зебеки? Кланяйся им. Амалии и Christel viele Grüße^{355*}. Папа уже уехал, теперь он ищет дом в Лондоне¹¹. И так пиши опять в Alpha Road¹².

M-lle Meysenbug кланяется вам.

^{349*} чопорнее (нем.).

^{350*} у нее скорее уважение (нем.).

^{351*} "Бог есть дух" (англ.).

^{352*} "Бог есть дух" (англ.).

^{353*} это — грех (нем.).

^{354*} Кстати, к портретам (франц.).

^{355*} много приветов (нем.).

¹ А.А. Герцен приехал в Лондон вместе с Татой 21 августа 1860 г., провел конец августа и сентябрь в Борнемуте, на о. Уайт, и покинул Англию 4 или 5 октября (см. ЛЖГ III, 139, 140, 155). Вероятно, Тата надеялась уехать вместе с ним на континент.

² Отъезд Ольги и М. Мейзенбург в Париж состоялся только 28 ноября 1860 г., по расчетам Герцена, “на 4 месяца”, но они пробыли там до июля 1861 г. и возвратились обратно в Лондон 9 или 10 июля вместе с ездившим в Париж Герценом. – См. ЛЖГ III, 227.

³ Эмилия Рив (умерла в 1865 г.). О начале знакомства с ней Герцен вспоминал в письме пятом “Писем к путешественнику” (XVIII, 374–375). О своем решении пригласить Рив – “женщину гениального ума” – воспитательницей к Тате Герцен сообщил Рейхель в письме от 6 октября 1860 г. (XXVII, 100). Свою программу воспитания дочери Герцен изложил в письме к Рив от 20 сентября 1860 г. (XXVII, 95–98).

⁴ Эта фотография, сделанная в Лондоне у братьев Майер (Mayer, Brother) между 3 и 5 сентября 1860 г. (см. ЛЖГ III, 146–147; воспроизводится в наст. томе). Герцен считал, что этот портрет – его и Огарева – “превосходнейший”, и послал его Рейхель 9 декабря 1860 г. (см. XXVII, 105, 561).

⁵ Старший сын Марии Каспаровны – *Карл Александр Рейхель*.

⁶ Эрнст Рейхель – второй сын Марии Каспаровны.

⁷ Возможно, так Тата называет родившегося в апреле 1860 г. сына Рейхель Макса (см. XXVII, 40).

⁸ Это письмо Е.И. Токаревой неизвестно.

⁹ Е.К. Станкевич.

¹⁰ Через день после возвращения в Англию, 23 августа 1860 г., Тата в приписке к письму Герцена просила Рейхель взять по два лотерейных билета для себя, А.А. Герцена и Э. Урих и прислать их номера (см. XXVII, 91), а 27 ноября спрашивала Рейхель: “Напиши мне, что выиграли наши билеты, – может быть, белые атласные башмаки или нет?” (XXVII, 117). См. в наст. публикации п. 4.

¹¹ Герцен уехал из Борнемута в Лондон на поиски нового дома 18 октября 1860 г. (см. ЛЖГ III, 160). Около 28 октября дом был нанят по адресу: Orsett House, Westbourne Terrace, Paddington.

¹² По адресу 10, Alpha Road, Regent’s Park в Лондоне семья Герцена жила с 25 мая 1860 г. до переезда в Orsett House между 16 и 18 ноября (см. ЛЖГ III, 117, 168).

4

(Лондон. 9 января 1861 г.)

Милая моя Маша.

Благодарю тебя за длинное письмо и поздравляю с *нашим* новым годом, да еще посылаю тебе Сашин портрет¹, потому что у нас их множество, а дрезденские нехороши. Ты моего *маленького* Сашу расцелуй за милое письмо, я сегодня никак не успею ему написать, я вообще очень занята целый день. А теперь бедная Лиза очень нездорова, мы еще не знаем, что у нее будет, коклюш или корь².

Холод ужасный³, вот уже третья неделя, что Серпентина⁴ совсем замерзла, здесь это неслыханное дело. В будущую неделю будет большая ярмарка на реке, если мороз продолжится. Но как бедные здесь страдают, это ужас. Они ежедневно проходят под нашими башмаками и поют свои песни. Несчастные садовники, лодочники и раб(отники) дока. – Мы тоже, хотя сравнительно это конеч(но) ничего, да все-таки страдаем от холода, дома здесь так ужасно построены, что в комнате холод почти чувствительнее, чем на дворе.

Письмо Души я только что получила⁵, даже не успела его прочесть, а теперь должна кончить записочку эту, потому что сейчас будет учитель⁶.

Так прощай, крепко тебя и всех целую.

Твоя Т а т а

Кланяйся Зебекам; что она, бедная старушка?

А что Шиллерлотерия⁷? Что же наши билеты? ничего не выиграли?

Скажи, пожалуйста, Рейхелю, что учитель мой музыки Янза очень мной доволен; находит, что успеваю. Но зато я все это время ровно ничего не делала в рисовании, в субботу и завтра у меня будет в первый раз учитель⁸.

¹ Очевидно, речь идет о фотопортрете А.А. Герцена 1861 г. (воспроизведен в “Лит. наследстве”, т. 64, с. 552–553; ЛЖГ III). Обоснование датировки наст. письма см. в ЛЖТ III, 179.

² 11 января 1861 г. Герцен писал сыну о болезни Лизы: “...сегодня решится, коклюш или корь”, а к 15 января Лиза поправилась: “У нее была лихорадка (...) до сих пор ни кори, ни коклюша нет” (XXVII, 128).

³ О “страшных морозах”, стоявших в это время в Лондоне, Герцен писал сыну. См. XXVII, 128.

⁴ Серпентина (англ. The Serpentine) — узкое искусственное озеро в Гайд-Парке, сделанное в 1730 г. на месте извилистого, змеевидного русла бывшей речки Westbourne.

⁵ Это письмо неизвестно.

⁶ Очевидно, Тата имеет здесь в виду упоминаемого ниже в письме учителя музыки чешского эмигранта, музыкального педагога *Леопольда Янса* (Янза, Jansa, 1795–1875).

⁷ См. п. 3 в наст. публикации.

⁸ Имя учителя рисования Таты в это время остается неизвестным.

5

12 июня (1861 г. Лондон)¹

Милая моя Маша!

Поздравляю тебя, хотя поздно, с твоим Рейхельком². Здоров ли он, как называется, какого пола?

Ты, пожалуйста, не сердись на меня за то, что я так редко пишу, и не принимай это за знак, что я никогда о вас не думаю.

Вот уже больше года прошло с моего приезда в Дрезден, как время летит, а теперь опять собираюсь немножко покутить, в Париж, в этот раз³. Какая у меня нехорошая память, я почти все забыла, т.е. самого Парижа, только улицу, в которой мы жили, как будто сквозь туман вижу⁴. Как я люблю путешествовать, ты не поверишь. Однако в Париже мы дольше недели не пробудем.

Я, кажется, тебе не писала после нашего праздника 10-ого апр(еля)⁵, но Папа верно тебе писал, что князь Голицын маленькую симфонию сочинил именно для праздника. Как только она выйдет, мы тебе пришлем экземпляр⁶, тогда ты можешь составить себе понятие о нашем доме с иллюминацией, потому что на обертке нарисовано все.

Мы отправляемся искать дачу в Richmond'e или около Richmond'a⁷, поэтому прощай, крепко, крепко целую тебя, *нового*, Рейхеля, моего Сашку, словом всех вас.

Твоя Тата Г.

Кто крестил *нового*? — Поправился Адольф⁸ —

Кланяйся Зебекам.

Еще благодарю тебя за письмо Душино⁹, которое ты мне прислала с портретом, портрет очень нехорош.

¹ Год, когда написано письмо, устанавливается на основании упоминания Таты о том, что “больше года прошло” со дня ее приезда в Дрезден (это произошло 1 или 2 июня 1860 г. — XXVII, 58).

² Сын Рейхель родился в мае 1861 г., и Герцен поздравил ее 28 мая (XXVII, 154); прожил этот ребенок недолго: в декабре 1861 г. он заболел (XXVII, 201) и вскоре умер (см. письмо Герцена к Рейхель от 12 декабря — XXVII, 203). Судя по письму Таты к Рейхель от 10 декабря 1861 г., к этому дню уже было получено известие о смерти младенца.

³ Тата выехала в Париж с Герценом около 21 июня 1861 г., а возвратились они 9 или 10 июля (см. ЛЖГ II, 220, 227).

⁴ Тата вспоминает время, когда она жила вместе с сестрой Ольгой в Париже у Рейхель, которая забрала их к себе после смерти Н.А. Герцен (см. ЛЖГ II, 87). Дочери Герцена прожили у Рейхелей около года и приехали к отцу в Лондон в сопровождении А. Рейхеля 30 апреля 1863 г. (ЛЖГ II, 142).

⁵ 10 апреля 1861 г. в доме Герцена состоялся праздник в связи с провозглашением в России манифеста об освобождении крестьян (см. ЛЖГ III, 197–198).

⁶ Имеется в виду сочиненная кн. Ю.Н. Голицыным симфония “Фантазия освобождения”, которая вышла из печати во второй половине июня 1861 г. Сообщая о ее предстоящем появлении в л. 91 “Колокола” от 1 мая, Герцен отмечал, что кн. Голицын «написал для нашего праздника освобождения крестьян превосходную фантазию для оркестра, составленную из: “Вниз по матушке по Волге”, “Ах вы сени, моя сени” и “Славься” из оперы Глинки. Последний мотив накануне шел бы царю освободителю, но 10 апреля звучал “Марсельезой”» (XV, 87).

⁷ Дача в Ричмонде снята не была, и семья Герцена провела лето в Торки (графство Девоншир), куда уехали сначала Тучкова-Огарева с дочерьми Герцена, а 24 августа 1861 г. сам Герцен.

⁸ Здесь Тата, очевидно, имеет в виду мужа Марии Каспаровны — Адольфа Рейхеля.

⁹ Письмо Е.И. Токаревой неизвестно.

1. Delamere Street
Westbourne Terrace
Paddigton.

(Лондон.) 10-го декабря 1861

Как мне жаль, милая моя добрая Маша, что я не могу быть с тобой, утешать, помогать тебе за детьми смотреть, насколько могу. Как мне жаль бедного маленького Адолфа¹. А у Натали родились двое детей, ты верно уже знаешь. Девочка и мальчик². Во время ее болезни я за Лизой смотрела, заменяла ей Натали. Она очень избалованный ребенок, так что трудно сладить с ней. Теперь все вошло опять в порядок. Натали и дети здоровы.

Я недавно видела Соничку Руцен³, она так мило и с такой радостью приняла меня, и мне тоже было очень приятно ее видеть. Но от нее я услышала, что ты ей раз написала, что не знаешь, люблю ли я тебя или нет! Милая Маша, и ты могла в этом сомневаться? Отчего ты это думаешь, не оттого ли, что я тебе редко пишу, но, милая Маша, по этому, право, судить нельзя, ты знаешь, что я не охотница до писанья писем, но часто, особенно, когда что-нибудь меня огорчало, мне так хотелось тебе писать и все рассказывать, но в этом останавливало меня то, что я не могла послать тебе письмо, не показавши Папаше, а часто мне не хотелось, чтобы он его читал, потому что речь шла бы о самом Папаше и об других людях. Теперь я могу тебе сама писать, и если ты хочешь, если тебе это необходимо, я с охотой буду тебе все писать о себе, об нас всех и об нашем житье. Хочешь? – Маленькую гребенку твою я всегда ношу с собой, как скоро Лиза видит, что я чешусь или так вспомнит, она прибегает и просит: “Тата, Таточка моя, расскажи мне, кто тебе подарил гребенку?” Тогда я начинаю и рассказываю ей, что это мне подарила Маша, такая высокая добрая дама, у которой много детей, тогда я ей описываю всех детей подробно, так что она их всех знает, со всеми знакома и очень ими интересуется.

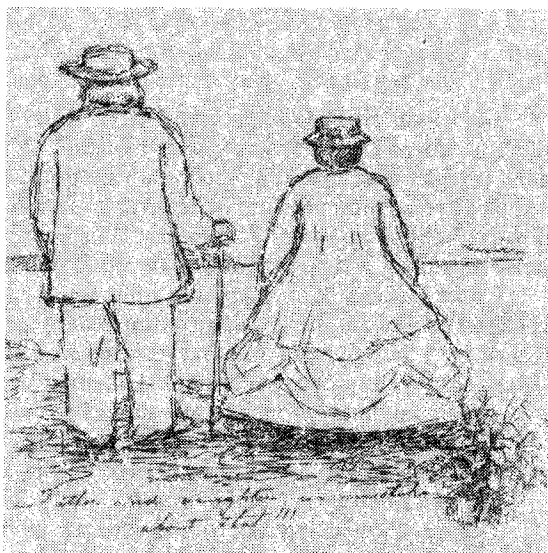
Теперь придется скоро проститься, милая моя Маша, обнимаю тебя и крепко, крепко целую также, как и детей и Рейхеля.

Твоя Тата Г.

5 декабря были Папины именины, конечно, они прошли очень тихо, я подарила ему картинку и сыграла первую Бетховенскую сонату для фортепиано и скрипки. Шестого было рождение Огарева, но мы его почти не праздновали.

Саша теперь в Берне, оттуда он поедет в Heidelberg и воротится к моему рождению 25-ого⁴, зато здесь был Саша Пассек, но он уже уехал, всего только пять дней пробыл в Лондоне.

Если ко мне будешь писать, конечно, пиши в Delamere Street, мне будет очень приятно.

ГЕРЦЕН И ТАТА ГЕРЦЕН НА ПРОГУЛКЕ

Из семейного альбома Герценов. Рисунок Таты Герцен (?) (перо). (Борнмут, лето 1864 г.) Внизу подпись: “Father and daughter no mistake about that!!!...” (“Отец и дочь, ошибки быть не может!!!...”)

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по книге: Русские прописки. Том IV. М., 1917

«Он стал ласковее, хотя смотрит на меня как на “большую”, а не как на ребенка – мы больше вместе, часто вдвоем гуляем» (Тата Герцен – М.К. Рейхель, 21 декабря 1865 г.)

¹ См. в наст. публикации прим. 2 к п. 5.

² Дети Герцена и Тучковой-Огаревой, близнецы Алексей (Леля-бой) и Елена (Леля-гёрл) родились 23 ноября 1861 г. При регистрации 2 января 1862 г. их отцом был назван Огарев, «издатель русской газеты “Колокол”» (см. *РПГ* IV, 272; *ЛЖГ* III, 273). См. в наст. публикации письмо Таты от 25 декабря 1864 г. и прим. 1 к нему.

³ Ученица А. Рейхеля С.К. Рутцен (Руцен) приехала в Лондон в феврале 1861 г., где продолжала свое музыкальное образование (см. письмо Герцена к Рейхель от 13 августа 1861 г. – XXVII, 168). Судя по письму Таты к Рейхель от 19 февраля 1862 г., Рутцен бывала у Герцена в Orsett House (XXVII, 212).

⁴ А.А. Герцен уехал из Лондона около 4 декабря 1861 г. в Берн, Гейдельберг, Карlsruhe; к 25 декабря не вернулся, а возвратился только во второй половине января или начале февраля 1862 г. после путешествия по Норвегии (см. *ЛЖГ* III, 267, 281; XXVII, 210).

7

(Лондон.) 22 декабря 1861

Да, милая моя Маша, я знаю, что и Коля уже умер¹, но я папашину записочку получила, когда свое письмо уже отослала². Соничка³ была здесь на днях, расспрашивала о тебе. Она сказала, что тебе уже писала или будет писать.

Я хотела тебе раньше отвечать, но никак не успела. Мы теперь выучиваем секретно маленькую пьесу Коернера “Die Gouvenante”⁴ и так как свободного времени у меня немного, я тебе в этот раз не могу много писать.

Саша Пассек был здесь, т.е. приехал 5-го дек(абря), остался дней пять и уехал в Париж, он сказал, что через три недели будет у матери⁵. Больше я ничего не знаю. Когда ты к ней будешь писать, кланяйся всем.

А мой Саша, брат, теперь в Heidelberg’e и воротится только к Новому году, от этого и отложили праздник, мое рождение до 30-ого.

Как мне странно, что мне уже семнадцать лет, никак не верится. Однако так, хотя мне и неприятно, мне кажется, что время слишком скоро проходит.

Душе я напишу к Новому году⁶.

Теперь прощай, милая Маша, крепко целую вас всех.

Твоя Тата Г.

1. Delamere Street
Westbourne Terrace
Paddington

¹ Вероятно, речь здесь идет о смерти сына Рейхель (см. прим. 2 к п. 5 наст. публикации).

² Имеется в виду п. 6 наст. публикации.

³ С.К. Рутцен (Руцен) – см. прим. 3 к п. 6 наст. публикации.

⁴ Речь идет о пьесе немецкого писателя-романтика Карла Теодора Кёрнера (Körner, 1791–1813) “Гувернантка”.

⁵ Т.П. Пассек.

⁶ Было ли написано это письмо Таты Е.И. Токаревой (в замужестве Герье) неизвестно, но, судя по ее письму к Н.А. Герцен от 11 ноября 1913 г. из Москвы в Лозанну, их юношеская переписка вскоре прекратилась. Е.И. Герье писала Н.А. Герцен: «...позвольте мне (...) еще раз напомнить Вам о себе и о нашей встрече в дни нашей ранней юности в 1860 г., весной, в Дрездене, куда вы приезжали к М.К. Рейхель. Встреча (была) короткая, но она оставила во мне глубокий след и настолько живой воспоминание, к(а)к будто это (было) недавно, и я снова вижу Вас такого, к(ак) Вы были на карточке, присланной Вами тогда же из Лондона с подписью: “Милой моей Душе от Таты. Август 1860 г.” – Переписка наша прекратилась довольно скоро; шло время – и я т(оль)ко слышала о Вас со стороны. Но в 1883 г., когда мы проводили зиму в Баден-Бадене и почти ежедневно виделись там с Пав. Вас. Анненковым, я от него узнала, что Вы в Париже, живете у сестры, и когда он поехал навестить совсем уже больного Тургенева, я написала Вам и просила его вручить Вам письмо – и ждала. Но он вернулся не т(оль)ко без ответа, а к(а)к мне показалось, будто неохотно об этом говорил. – Мне было грустно. Но кто знает, м.б. это мое письмо почему-нибудь не б(ы)ло передано. И вот я пытаюсь еще раз напомнить Вам о былом» (*РГБ*, ф. 69. 25. 6). На это письмо Н.А. Герцен ответила 6 декабря 1913 г. В нем она писала: «Как мне не помнить “милую Душу”?! Ведь и у меня хранится фотография Ваша, которую Вы мне дали в Дрездене в 1860 г. Я и Марья Каспаровна Рейхель, – мы не раз вспоминали Вас. Мне кажется невозможным, чтобы я не ответила на Ваше письмо, если бы я его получила. Анненкова я в Париже не видела в 1883 г., значит он мне не передал (...) Марья Каспаровна Рейхель с некоторого времени живет в Лозанне, у сына Алекса, которого Вы видели в Дрездене, когда ему было 6–7 лет, и который теперь важная личность здесь (Juge fédéral (федеральный судья) – франц.). М.К. уже очень стара, ей за 90 лет, но ум и сердце остались молодыми, только память слабеет, к несчастью (...) Читали Вы “Воспоминания М.К. Рейхель”, изданные Л.Э. Бухгеймом в Москве?» (автограф *РГБ*, ф. 70. 39. 93; здесь же хранится фотография Н.А. Герцен 1860 г., упоминаемая в письме Е.И. Герье).

Tower Cottage
Shanklin
Isle of Wight

18 сентября 1862 г.

Извини меня, милая добрая Маша, что я тебе так долго не отвечала. Как только я получила твое первое письмо, я сейчас же уселась отвечать, но мне помешали, я все откладывала дня ото дня. С тех пор были и Левицкие здесь¹, и я была в Cowes – у Натали², возвратилась в Лондон, а теперь на Isle of Wight в Shanklin'e, премилое местечко, недалеко от Ventnor'a. Gallait, знаменитый живописец³, здесь с семейством – жена и две дочери, одна моих лет, Amélie, а другая, Marie, Ольгиных. Ольга и Meysenbug с некоторых пор у них гостят, живут. M-me Gallait и m-lle Meysenbug – друзья. – Нас, т.е. Сашу и меня, тоже пригласили, но мы приехали только две недели тому назад и взяли себе маленькую квартиру и живем себе здесь, а кушаем у Gallait. Мы все время купаемся, плаваем, бросаемся с лодки в море, ездим верхом, но, конечно, даем всего больше времени рисованию. – Они меня пригласили приехать к ним на месяц или на два в Брюссель⁴, до путешествия в Италию⁵ – теперь, в эту минуту, я с ужасным нетерпением жду Папашиного ответа. Позволит он или нет? – Что это было бы для меня очень полезно, в этом сомнения нет – но боюсь, боюсь, что Папаша не позволит.

Они страшно богаты, у них, говорят, дом в роде дворца в Брюсселе, другой в Париже.

(Лондон.) 25-ого сент(ября)

Опять пролежало письмо, но теперь я знаю – Папаша позволяет⁶, я через неделю уезжаю в Брюссель (теперь я опять в Лондоне) и так рада, что сказать не могу тебе – досадно мне то, что в моем отсутствие уехала miss Biller – а теперь, когда будет случай переслать портфельчик.

Теперь я целый день укладываю и убираю – в Брюссель я еду на месяц только, это решено, теперь остается еще вопрос об Италии – если Папа позволит – я в Лондон не ворочусь; тогда Папа переедет из Orsett House – в этом случае надобно, чтобы все мои вещи были в порядке, и ты понимаешь, что хлопот немало – если же он не отпустит, я ворочусь в Лондон.

(Брюссель.) 7-ого окт(ября)

Поверишь ли ты, милая Маша? Я в Брюсселе, да, да, в этом дворце, о котором столько слышала, и так счастлива, все так добры, Amélie так мила; m-me Gallait как мать ко мне. Мы третьего дня приехали. Я останусь здесь до 1-ого ноября, а что после этого будет, сам Бог не знает.

Вы, кажется, переехали, я вашего нового адреса не знаю, но надеюсь, что письмо все-таки дойдет. – Пиши мне поскорей, милая добрая Маша, крепко тебя целую и твоих детей.

Твоя Тата Герцен

Что здоровье бедного Рейх(еля).

Адрес мой: M-me Gallait,
N 72 rue des Palais
Bruxelles

¹ После долгого перерыва отношения Герцена с двоюродным братом, известным фотографом Сергеем Львовичем Левицким (Львовым-Львицким, 1819–1898) и его семьей возобновились при встрече в Париже. Здесь Левицкий сделал его фотопортрет (по словам Герцена, “превосходный”). Левицкие побывали в Лондоне в августе 1862 г., куда С.Л. Левицкий приезжал на Всемирную выставку. О взаимоотношениях Герцена с Левицким см.: С.Д. Л и щ и н е р. Письмо А.И. Герцена к С.Л. Левицкому (“Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз.”, 1962, т. XXI, вып. 2, М., 1962, с. 140–142); В.Г. З и м и н а и Г.И. Д о в г а л л о. Из переписки А.И. Герцена. (Новые материалы) – (“Записки Отдела рукописей” Гос. б-ки им. В.И. Ленина, вып. 37. М., 1976, с. 213–214 и 217).

² Лето 1862 г. Тучкова-Огарева с Лизой и близнецами проводила на о. Уайт, сначала в Вентноре, а

затем 16 июня 1862 г. Герцен перевез ее с детьми в Коус, куда на некоторое время в июле приезжала Тата с А.А. Герценом (см. XXVII, 246, 249).

³ Луи Галле (1810–1887), бельгийский живописец, уроки у которого брала Тата по инициативе М. Мейзенбуг (XXVII, 249).

⁴ Тата уехала в Брюссель с семьей Л. Галле 4 или 5 октября 1862 г. (см. далее в наст. письме, продолженном уже в Брюсселе, упоминание о том, что они приехали в Брюссель “третьего дня”, т.е. 5 октября). Тата пробыла в Брюсселе до 18 ноября 1862 г. (см. ЛЖГ III, 399).

⁵ Судя по этим словам Таты, вопрос об ее поездке в Италию был к этому времени решен: после возвращения из Бельгии она вместе с Ольгой, М. Мейзенбуг и горничной Жеоржиной 12 декабря 1862 г. выехала через Париж в Италию (см. ЛЖГ III, 408).

⁶ Герцен разрешил дочери поездку в Брюссель, так как придавал большое значение ее занятиям живописью и общению с Л. Галле. 15 октября 1862 г. он писал ей в Брюссель: “Жаль мне, если твое пребывание в Брюсселе слишком скоро должно прекратится. Лучшего руководства ты не можешь иметь. Пользуйся, друг мой, и работай до усталости (...) После ты можешь продолжать везде, где есть галерея” (XXVII, 255).

9

Четв(ерг), 29-ого октября 1863.
Casa Bernato; Bagni di Lucca¹

Уж столько время прошло с тех пор, как я тебе не писала, милая добрая Маша, что никак не решалась начать письмо, и теперь краснею, бравши перо – но путь новостей через Лондон слишком длинен и медлен, мне хочется о тебе самой опять услышать что-нибудь и тебе рассказать кое-что. Если бы хоть побранила меня за лень – но нет, в последнем письме даже не намекаешь, а потом перестаешь совсем писать, этим я очень наказана, но заслужила.

Однако повторяю, что все-таки часто о тебе думала, и вот Саша мне советовал теперь послать тебе все мои начатые письма, в доказательство – одно еще из Лондона, другие из Ниццы и Флоренции², но стыдно, они уже слишком залежались и старые – расскажу тебе только о Ницце, тебе верно будет приятно. Ты уж знаешь, что наши планы и надежды сбылись, что мы давно в Италии, что я опять видела Ниццу (твое последнее письмо ко мне еще адресовано в Лондон).

Почти с самого нашего отъезда из Ниццы³ мне все хотелось опять побыть там, увидеть опять места, где играла с Колей и привыкла быть с Мамашей или просто видеть ее.

Я так часто об этом думала и старалась припомнить малейшие события и местечки, что в самом деле многое помню, все, что могло остаться в памяти ребенка, безделицы, которые большие, т.е. взрослые не замечают. Как ты мне рассказывала, что помнишь, как шляпа твоего брата улетела и упала в воду. Ты мне рассказывала, не правда ли?

Так ты можешь себе представить, с каким биением сердца я приближалась к Ницце, к сожалению, это было ночью, я ничего узнать не могла, только город мне показался гораздо больше, чем я ожидала, и в самом (деле) с тех пор много построили и многое переменялось, последний наш дом там, Maison Douis⁴, увеличили, прибавили этаж, сад испорчен, через него будет проходить железная дорога, но верхняя часть и вход не тронуты, и сливовые деревья, под которыми (я так ясно помню) я с Ольгой сидела и тебя ожидала...

Maison Sue⁵ осталось как было, даже садик мой особый, не трогали с тех (пор), садовник Jean и жена его Claudine все еще там живут, нас сейчас узнали и с трогательной радостью и участием расспрашивали обо всем и обо всех. Какая разница с англичанами! В Англии, где прислуга не здоровается с баринком и никогда никакого участия не берет, кроме тех, может быть, которые уж двадцать, тридцать лет в каком-нибудь доме, и то после разлуки не посмеет первая протянуть руку и shake hands^{356*}.

А тут Claudine меня сейчас обняла и расцеловала и видно, что с искренней радостью, не думая, что могло бы мне не понравиться и что я обижусь, что бы каждая ан-

^{356*} пожать руку (англ.).

гличанка подумала. О поваре нашем Рокка, которого ты верно помнишь, и его же-не и дочери⁶ и говорить нечего, они смотрели на нас как на собственных детей, постарели, конечно, все, дочь, моих лет, уже вышла замуж и мать двух мальчиков. Добрые люди, они живут недалеко от кладбища, все время ухаживали за цветами, на мамашиней могиле, раз или два в год нам писали и присылали по цветочку.

Была я и на могиле – и, Боже мой, как все живо вспомнила, последние дни, последний день, утро, когда мне Папа сказал и меня привели поцеловать – похороны и отъезд. – На кладбище я сейчас узнала место по деревьям (надписи до сих пор нет, но теперь Папаша хочет заказать памятник). Они очень выросли, но я и место помнила, в левом углу – тогда она была одна – теперь их много, и много русских.

Но надобно рассказать тебе тоже, что мы теперь делаем, поэтому надобно продолжать путь. Во Флоренцию мы приехали 24-ого декабря, следственно, накануне моего рождения, которое я провела очень печально, несмотря на то, что была в Италии, день был печальный и дождливый, комнаты наши в отеле так темны и unheimlich^{357*}. Но это скоро прошло, началась новая жизнь – занятия и окружения – хотя мы жили очень уединенно, нельзя было не познакомиться с некоторыми людьми. Профессор Усси ходил ко мне давать советы и поправлять рисунки – и посылал мне модели. – Итальянскому языку мы скоро выучились – и так три месяца скоро прошли. – Но в это время я еще потеряла друга и товарища, эта милая, добрая девушка, о которой я тебе писала, Johanna Kinkel. И печальная эта новость пришла так неожиданно, несколько дней после ее последнего письма ко мне, что я глазам не верила, бедная девушка, 17 лет – рано это – и такая умная, полная надежд.

В последнем письме она мне пишет, что была больна (тогда скарлатин был очень силен в Лондоне, и Лизочка Огарева была тоже больна), но что выздоровела и идет гулять – вот эта несчастная прогулка ее и погубила, она слишком рано вышла и в феврале, через несколько дней умерла в беспамяти... и вот я опять без подруги моих лет – а какие мы планы вместе строили, гадали, что с нами будет через десять – двадцать лет, как будем стараться всегда вместе быть – ни разу нам не приходила мысль о возможности смерти одной из нас, хотя обе много примеров имели от семьи. – Счастливые те, которые верят в бессмертие души, по временам я им завидую, отчего они горюют, они знают, что друзья и родные для них не потеряны, что они скоро с ними опять увидятся и будут счастливы на веки веков. Итак, похоронили бедную Иоанну возле своей матери, которая тоже называлась Иоанной и умерла года три прежде дочери ужасной смертью – ты, верно, знаешь⁷.

В конце марта мы поехали в Рим, думали пробыть там месяц, но остались три с чем-то. Рим я очень полюбила. Частью от воспоминаний, не собственных, конечно, – многие места я знала уже по рассказам Папаши и Натали. Веселую жизнь вы вели тогда¹⁸ – Ну, а потом сам по себе город так богат, что в год или больше даже его не узнаешь порядком. Папаша, занимавшийся единственно и исключительно политикой, особенно в последнее время, не понимает, как можно там жить – и, конечно, для него это было бы невозможно, цензура очень строга, журналов мало, следственно, и новостей меньше... Но нам это не так необходимо, и мы очень хорошо провели все время.

В начале июля жар стал невыносим, все уезжали, и мы решились тоже и поехали в Неаполь, да остались тоже около трех месяцев, не в самом Неаполе, а в окрестностях, месяц в Vico Equense возле Sorrento, пять недель на острове Capri, видели знаменитую голубую Гротту, потом воротились в Неаполь дожидаться Папаши. Он приехал 28-ого сент(ября), привез с собой Сашу нам в сюрприз. Ты можешь себе представить нашу радость. Я ведь после Парижа никогда не уезжала на такой долгий срок. Рада я и за Папашу, что он хоть немножко отдохнет и рассеется, однако он все больше и больше вживается в эту уединенную и свободную жизнь в Англии, ничто ему не нравится за границей. Неаполем он был очень недоволен, да в самом деле жизнь там и неаполитанцы ужасно пусты, город сам прозаичен (конечно, не гово-

^{357*} неприютны (нем.).

рю о чудесных видах и богатейшем музее), а за город ехать нельзя, разбойники опаснее, чем когда-либо. Папаша хотел видеть Флоренцию, но боявшись знакомых, он хотел некоторое время провести совсем тихо с нами, поэтому мы поехали в Пизу, отсюда сюда, в Bagni di Lucca, а послезавтра едем в Флоренцию на три недели.

Около 22-ого нояб(ря) мы опять расстанемся. Папаша с Сашей поедут в Лондон, а мы в Рим – поэтому пиши, пожалуйста туда “poste restante”. Не надоела ли я тебе, добрая Маша? Хотелось бы мне еще многое рассказать, но оставляю до будущего раза. Прости же меня за долгое молчание и напиши мне, как вы поживаете и какие новости от тети Лёши⁹.

Папаша, все наши кланяются.

Твоя Тата Герцен

Была ли у вас m-me Теплякова – не передала ли она вам портфель и маленький альбом, который я посылала Саше моему?¹⁰

Мы уже во Флоренции.

6 ноября.

Рукой Герцена:

9 ноября

Вот мы в каких Палестинах и собираемся назад в Лондонские туманы и кланяемся от души вам всем.

Пер е ф и с^{358*}.

¹ Письмо написано во время путешествия Герцена со старшими детьми и Мейзенбуг по Италии: 13 октября 1863 г. они выехали из Неаполя в Ливорно, а через несколько дней – оттуда в Пизу и Лукку.

² Эти письма неизвестны.

³ Рейхель увезла семилетнюю Тату (вместе с полугодовой Ольгой) из Ниццы к себе в Париж вскоре после смерти Натальи Александровны – 22 мая 1852 г. (см. ЛЖГ II, 87).

⁴ Герцены жили в доме Дуйса (в предместье Ниццы С.-Элен) с 12 августа 1851 г.

⁵ Дом Сю Герцены снимали в 1851 г., с начала февраля до 12 августа.

⁶ В замужестве – М. Пьячентини.

⁷ Иоанна Кинкель, жена немецкого эмигранта в Лондоне историка Г. Кинкеля, покончила жизнь самоубийством 15 ноября 1858 г., выбросившись из окна своей квартиры (см. XXVI, 223, 224; Тучкова-Огарева, 103–104). В 1856 г. она давала уроки музыки и пения Тате.

⁸ Речь идет о пребывании в Риме Герцена и его семьи, которую сопровождала Рейхель, – с 28 ноября 1847 г. до 5 февраля 1848 г. В середине декабря они встретились здесь с семейством А.А. и Н.Ап. Тучковых, приехавших в Рим из России с дочерьми Натальей и Еленой. Далее они путешествовали вместе. После поездки в Неаполь они вернулись в Рим 2 марта 1848 г. и участвовали в уличных манифестациях восставшего народа. Герцены уехали в Париж 28 апреля 1848 г. (см. ЛЖГ II, 422, 425–428, 439–449).

⁹ Е.К. Станкевич.

¹⁰ Сыну Рейхелей Карлу Александру (родился в июле 1853 г.; при его крещении в мае 1856 г. Тата была заочно объявлена его крестной матерью – см. XXV, 348–350; XXVI, 18, 61, 75).

Мы опять в Bournemouth^{е1}, милая Маша, в этом милом местечке, в котором провели осень четыре года тому назад, после моей поездки в Дрезден. Живется здесь хорошо, по крайней мере мне хорошо, хоть и грустно подчас.

Узнала я многое о прошедшем, о “Былом”, в последнее время² и все больше и больше ценю Папашину любовь к нам, чувствую, как мы сближаемся. Он стал ласковее, хотя смотрит на меня как на “большую”, а не как на ребенка – мы больше вместе, часто вдвоем гуляем. Потому и расставаться становится труднее, тяжелее, а я дома работать не могу – конечно, нельзя сказать, что время совсем потеряно, я читаю, играю на фортепианах, иначе развиваюсь, меня все рассеивает, дети, разгово-

^{358*} Отец и сын (франц. père et fils).

Н.А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА И ТАТА ГЕРЦЕН С ДЕТЬМИ
АЛЕКСЕЕМ И ЕЛЕНОЙ (ЛЕЛЯ-BOY И ЛЕЛЯ-GIRL)

Из семейного альбома Герценов. Рисунки Таты Герцен (?) (перо). (Борнмут, лето 1864 г.)

Вверху – Тата Герцен и дети; подпись: “Les petits diables sont des anges” (“Дьяволята, ставшие ангелами”). В середине – Н.А. Тучкова-Огарева и дети; подписи: “Les petits anges aperçoivent N(atali) et deviennent de nouveau des petits diables” (“Ангелочки замечают Н(атали) и вновь превращаются в дьяволят”); “Natalie cherche ses petits diables” (“Натали ищет своих дьяволят”). Внизу – портрет неизвестного; подписи: “Romson”; “Simpleton Esq-rc” (“Рамсон”; Смплетон эск(вай)р”)

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по книге: Русские пропилеи. Том IV. Москва, 1917

ры, я не могу достаточно концентрироваться на живописи, я чувствую, что хоть зиму я должна проводить в месте, в котором все интересуются всеми этими вещами, быть в среде художников.

Ведь мы здесь в Англии ни одного художника не знаем, и с расстояниями лондонскими все так трудно, в год раз соберемся пойти посетить какую-нибудь галерею. Поэтому всего вероятнее, что мы, m-lle Meysenbug, Ольга и я, опять будем зимовать в Риме. Сначала нас останавливало то, что эта – уединенная – жизнь Ольге больше вредит, чем приносит пользы, она по-старому очень умна, но рассеянна и еще ужас-

ный ребенок – т.е. неразвита – “très enfant” и “enfant terrible”^{359*} – особенно когда мы втроем, потому что, зная слепую любовь Мальвиды, которая ее даже часто заставляет быть несправедливой, она ставит все по-своему, не слушается и с этой страстью дразнить (наследствие Папаша) она меня иногда доводила до того, что я проклинала Италию, Рим и нашу “trinité”^{360*} – а делать ничего я не могла...

31-го августа

Это письмо было начато до вчерашней записочки. Я хотела тебе подлиннее написать, а тут Папаша спешил, я и прибавила несколько слов в его записке³.

Однако не делай себе слишком ужасную картину Ольгиных шалостей – ведь большей частью виноваты взрослые, а не дети. То, что она еще так “enfant” – может быть, счастье, учиться она очень не любит, и вообще минуты не может просидеть на одном месте. Главное ее удовольствие – лазить по деревьям в мужеском платье, верховую езду она, как и я, очень любит, мы часто ездим вместе. Черты ее очевидно меняются, она становится все больше и больше похожа на Сашу. – Она очень грациозна, *когда хочет*, очень мила и забавна, комична. Натура талантливая, но сладить с ней ужасно трудно. Здесь я взялась немножко за Лизу, попробовала исполнять материнские должности, она спала со мной, я ее одевала, раздевала, учила – последнее мне доставляло, да еще доставляет большое удовольствие, потому что она ребенок умный и со мной учится охотно, признаться, я ее не мучила сухими вещами, а так, рассказываю что знаю, рисуя ей карты, и читаю ей. Дети Огарева все умны. Близнецы ужасно забавны, ты не можешь себе представить двух натур более противоположных – физически и нравственно. Во-первых, к большому стыду Н(атали), я нашла, что они говорят только по-английски, кое-что понимают по-русски, но не говорят ни слова. Так как они оба *Лёли*, чтобы различать, их называют Лёля-boy^{361*} и Лёля-girl^{362*}. – Девочка больше, сильнее, живее, бегаёт, шумит, покою не дает, тиран Natalie, смуглая – и гораздо больше похожа на мальчика, чем брат, который очень тих, серьезен, всегда один играет – маленький “мизантроп” – и волосы у него почти белые, однако они к другу очень привязаны, хотя Папа говорит, что когда они вырастут и будут вместе жить, она будет ему говорить: “Мы близнецы, родились вместе – заплати мои долги!”

Странно и досадно видеть, как таких милых ребятишек можно портить слепой любовью или неразумной любовью, не знаю, как назвать, потому что Natalie портит их так же, как Мальвида Ольгу, и хотя у них характеры такие противоположные: М(альвида) вечно тихая, терпеливая, а Natalie нетерпеливая, и вспыльчивая – обе от любви несправедливы и результат их воспитания один и тот же.

Но я верно надоела тебе этими подробностями, милая Маша, – они не могут тебя интересовать как меня. А меня они мучают, потому что, как бы я ни любила этих двух женщин, все что-то мешает совсем искренно сближаться.

Прощай, крепко-крепко тебя целую и еще прошу не сердиться и не думать, что я тебя больше не люблю, когда от лени не пишу.

Твоя Тата Герцен

Мы одни остались, в этом большом пустом доме странно печально, к тому же погода дождливая. Папаша и Огаревы уже в Лондоне, в Tunstall House, Maida Hill.

Крепко жму руку Рейхелю и целую детей, особенно моего Сашу. Нет ли новостей из России?

Не слышать ли что-нибудь о Marichen⁴? Пора ей возвратиться.

Ты верно получишь письмо в день именин моих, напиши мне словечко или просто подумай о нас, а я выпью за ваше здоровье.

^{359*} “совсем дитя” и “дитя ужасное” (франц.).

^{360*} “троицу” (франц.).

^{361*} мальчик (англ.).

^{362*} девочка (англ.).

¹ Тата с Ольгой и Мейзенбург приехала из Италии в Борнемут, где проводила лето семья Герцена, 24 июня. Выехали обратно в Рим 25 октября.

² 2 августа Герцен передал Тате для чтения рукопись "Рассказа о семейной драме" ("In side") из ч. V "Былого и дум", а перед этим "с каким-то религиозным трепетом" прочел ей отрывок "о последних минутах" Натальи Александровны (см. XX, 606; ЛЖГ IV, 26).

³ Речь идет о письме Герцена к Рейхель от 28 августа, к которому Тата сделала свою приписку с датой "29 августа" (см. XXVII, 509–510).

⁴ Мария Фомм, гувернантка детей Герцена в 1852–1854 гг. По-видимому, в 1863–1864 гг. она была в Китае (см. XXVII, 335).

11

25-ого дек(абря) 1864 г.

36. Corso. Рим.

Поздравляю тебя, милая моя Маша, с Новым годом, желаю тебе провести его как можно лучше и весело.

Вот третье рождение, которое я провожу далеко от "своих". – Первые два были уже довольно печальны, третье еще мрачнее. Я думала, что Папаша довольно страдал и перенес в своей жизни, что по крайней мере на старости лет все кругом будет весело и утешать его – но я ошиблась, по-видимому. Ты, может быть, еще не знаешь, что случилось, что мы потеряли наших милых маленьких близнецов – Лелю-Девочку и Лёлю-Мальчика¹, о которых я тебе, кажется, много рассказывала. Natalie хотела провести зиму в Париже. Папаша был там только проездом, он собирался в Женеву, хотел осмотреться там, думал о переселении и вообще хотел отдохнуть немножко от работы, английского воздуха и хлопот, которые ему дали нездоровья Огарева. Вместо этого, Леля-девочка простудилась, доктора говорили, что ничего; когда было слишком поздно, они узнали, что это *дифтерия*, болезнь в горле, сделали операцию, но ребенка не спасли. Ровно неделю позже, 10-ого – дек(абря) скончался мальчик. Natalie, в отчаянии, почти в безумии, бежала из Парижа с Лизой, они в Montpellier. – Что бедный Папа перенес и перестрадал, сама Natalie говорит, что это изумительно. Он все время ходил за детьми, которых он, конечно, любил не меньше своих.

Огарев приехал только 6-ого дек(абря), в день своих именин и рождения, Тхоржевский его провожал, потому что здоровье все плохо – он не может помогать, напротив, за ним надобно смотреть. Когда мальчик умирал, с ним сделался припадок. На следующий день после отъезда Natalie в Montpellier они получили от нее телеграмм, что Лиза тоже заболела. Огарев рвался туда, но Папа не пустил, он не перенес бы 17 часов железной дороги, сам поехал – к счастью, Лизу спасли, благодаря, должно быть, быстрой перемене климата. Бедная Natalie! Она, которая жила одной любовью к своим детям, – что она будет делать? Любовь к Лизе ее поддержит, да, без этого она бы давно погибла. – Теперь я не знаю, где они все – завтра получим письма. Папа собирается в Ниццу с маленькими трупами, их положат около мамы.

И вот сижу я одна-одинехонька на скамейке и пишу тебе. Мальвида с Ольгой в Святом Петре², но меня не интересует больше Пий IX и его благословение, прошло-го года достаточно видела. Прислуга и хозяйка в церквях, одна Линда со мной, Ольгина собачка, да множество цветов кругом, знакомые прислали с поздравлением, а половину я сама купила, чтобы сделать сюрприз М(альвиде) и О(льге) он очень удался, потому что я заказала *три* горшка, как будто один для меня, они и не подозревают, что это от меня.

Ты что делала все это время? – Помнишь ты праздник и елку твою в Париже?³ Уже двенадцать лет прошло с тех пор, но я хорошо все помню – и куклу с сарафаном и богатой "garde-robe"³⁶³, маленький комод, "das Buch der Welt"³⁶⁴, еще существует. Припоминаю все мои *рождения* и вижу, что чем дальше назад, тем веселее все было.

³⁶³ "гардеробной" (франц.).

³⁶⁴ "книга мира" (нем.).

Расскажу тебе, как мы живем теперь. Все очень тихо и уединенно. Я хожу в ателье Rudolf'a Lehmann'a с 9 – 12, возвращаюсь позавтракать и обыкновенно опять работаю до трех. До сих пор я была одна, класс начнется 2-ого января – тогда у нас будут живые модели. Успехами своими я не так довольна, как бы хотелось быть – хотя работа довольно усердно, летние месяцы проходят в путешествиях и других “занятиях”. Вечера наши длинные, мы учим Ольгу, потом я читаю громко им одна до 11. Порядок этот разрушен время от времени визитами Грегоровиуса, unser Hausfreund³⁶⁵, может быть, ты о нем уже слышала, он пишет огромную историю Рима и довольно знаменит своими маленькими вещицами “Römische Bilder”, “Corsica”, “Gräber der Papste”⁴ и т.п. Да обыкновенно мы раз в неделю ходим к Линдеманну, прошлогодний мой учитель, у них устроились музыкальные вечера.

Ольга все тот же ребенок, живой, грациозный, умный, но рассеянный до высочайшей степени, ленивый и шаловливо-непослушный. Однако Маль(вида) выдумала хорошую вещь теперь – два раза в неделю приходят к нам две итальянские девочки Ersilia и Genevra. С первой Ольга уже давно дружна, с последней недавно познакомилась. Они обе удивительно умны и страшно любят учиться, может быть оттого, что редко случается, они принадлежат к средней буржуазии, учителей брать не могут, а в школах, кроме читать и писать, ничего не учат. Уже не говоря о самих детях, которые в восторге, родители тоже очень благодарны, а в Ольге это мало-помалу развивает самолюбие, желание постараться, потому что они обе гораздо внимательнее ее. Удивительно талантливый народ, умный, понятливый, что бы можно из него сделать! Но попы и иезуиты его губят и держат в невежестве.

Однако прощай, милая Маша, крепко целую тебя, Сашу и всех вас – пиши мне поскорей. Мы переехали, адрес наш: 36. Via Felice.

Roma. П-до piano.

Твоя Тата Герцен

Какие известия из России? Что Маволинка, тетя Лёша и Душа?⁵ Всех целую.

По последним письмам я узнала, что Огарев вернулся в Richmond, чтобы лечить-ся, Папа и Саша в Женеве, остальные в Montpellier.

M-lle Meysenbug и Ольга кланяются.

¹ Младшая дочь Герцена и Тучковой-Огаревой Елена (Лёля-girl) умерла в ночь с 3 на 4 декабря, а сын Алексей (Лёля-boy) – 11 декабря, также от дифтерии.

² По случаю рождества.

³ Тата и маленькая Ольга после смерти матери жили у Рейхель в Париже с мая 1852 до конца апреля 1853 г.

⁴ Речь идет о многотомном труде немецкого историка Ф. Грегоровиуса “Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter” (Stuttgart; в 1859–1862 гг. вышли т. 1–4). Книга “Corsica” (Bd. 1–2, Stuttgart und Tübingen) опубликована в 1854 г., а затем выпускались ее сокращенные издания. Тата упоминает также, очевидно, следующие работы: “Figuren, Geschichte, Leben und Scenerie aus Italien” (Leipzig, 1856); “Die Grabmaler der römischen Papste. Historische Studie” (Stuttgart, 1857). Эти “чудесные и поэтические брошюры Грегоровиуса о Корсике, Италии, Риме” отмечены Герценом уже в 1857 г. как заслуживающие переводов на русский язык (см. XIII, 102).

⁵ Имеются в виду М.Ф. Корш, Е.К. Станкевич и Е.И. Токарева.

Давно ты не имела прямых известий от нас, милая Маша, а знать хочется, как проживаем, что поделяваем – поэтому без длинных предисловий, дам тебе хоть издали понятие обо всем. Во-первых, представь себе, что ты приехала в Женеву, уже десять минут сидела в Tram-way (американские omnibusy, на рельсах), кондуктор звонит, кучер останавливается перед большими воротами: “La grande Boissière, madame”³⁶⁶ – тыходишь в ворота, идешь по большой аллее, заборы по обеим сторонам – нежи-

³⁶⁵ нашего друга дома (нем.).

³⁶⁶ Большой “Буассьер, госпожа”! (франц.)

данно направо опять явились ворота и показался огромный старый двухэтажный дом, не обыкновенный четырёхугольный модный ящик, как водится теперь, а немножко украшен; в середине дверь, под большой колоннадой, над этой колоннадой вторая, или длинная терраса, украшенная архитравом, что ей придаёт вид греческого храма.

Ты, как все приходящие в первый раз, направилась бы к большой передней двери, которая всегда заперта зимой; но положим, что по необыкновенному какому-нибудь случаю она отворена – ты отворила бы стеклянную дверь и вошла бы в большую четверугольную комнату с ужасно скользким каменным полом, на вид опустелая, холодно, неуютно в ней. Направо, над печкой, ниша, в ней стоит Наполеон I, перекрестивши руки, в треугольной шляпе, и грозно смотрит в левый угол, на бюст Грановского. Это летняя столовая. Что тебе делать? Три двери, направо, налево и вперед. А везде тишина – но вдруг раздаётся лай собак, во всевозможных тонах – нетрудно услышать, что лают с правой стороны. – Ты стучишься, отвечают только лаем – ты отворяешь дверь и мигом окружена m-me Линдой (Ольгина собака) и ее щенятами. Видно, ты ошиблась, потому что это спальня, тоже заброшенная, холодная (бывшая Сашина). Затворяешь дверь, думаешь: попробую прямо пойду – стучишься, молчание. Входишь – большой салон. Во всех углах стоят статуи, на пьедесталах, большие столы в середине, несколько книг на них валяются, фортепиано стоит – но и тут холодно и как будто никто не живет. Два окна и стеклянная дверь в сад, вид на большой сад и горы. – Направо, налево двери, что делать? Про(ходишь) опять направо – отворишь дверь – и что же, темнота! Все ставни закрыты, но благодаря свету, вошедшему с тобой в дверь, ты видишь на вид бесконечную залу футов в 54. И тут ниши, в них стоят Венеры, Амуры, Бахусы... Люстры висят. – Ты затворяешь опять дверь, начинаешь думать, что ошиблась, что это дом допотопный, необитаемый. – Входишь налево в дверь, и тут никого нет. – На стенах обои представляют небывалые тропические растения, напоминают они столовую Виллы Ливии, жены Августа, в Prima Porta около Рима, только что там видно, что художник получше изучил природу – что же делать, не пошло искусство вперед. – Однако тут висят другие художественные произведения, во-первых, аллегорическая картина, прозрачные фигуры летят, носят “Колокол”, над ними сияет Звезда, внизу Хаос...² Копии разные висят, головы Рембрандта, Галилея, “Bella di Tiziano”³. – Поэтому все-таки узнаешь, что в герценском доме – и в столовой. – Однако выходишь – сени, лестница – идешь наверх – дверь отворена направо – видна кухня, но тоже не употребленная. На дверях номера, точно в Hôtel’e^{367*} – стол, стулья, диван, шкаф, все на месте, в порядке, два окна на большую террасу – но никого нет; входишь в следующую, больше первой, два окна и стеклянная дверь на террасу – мебели мало, но стоит кровать, значит спальня, тоже необитаемая, входишь в третью, окна тоже на террасу, тоже кровать стоит, и тоже видно необычная. Если бы ты не вышла из терпения и продолжала бы путь свой на той стороне, ты увидала бы еще две комнаты, – значит, на одной стороне второго этажа 5 необит(аемых) комнат. – Но тебе это надоело, ты вышла в коридор, вошла в комнату противоположной стороны, тут повеял приятный теплый воздух – мебель красивая, в середине большой круглый стол, на нем книги, бумаги, журналы, цветы, карандаши и т.д., полки с книгами, на камине бюст Пушкина, этрусская ваза... У окна стоит, на нем тоже бумаги, книги – и микроскоп. В одном углу мольберт, начатый портрет “Искандера”⁴ – тряпки, шкатулка, ключи. Направо две ступеньки и дверь в спальню; налево дверь в будуарчик крошечный, в котором столик с цветами, диванчик, скамейка и вицгармониумчик. Вот где Таты зимуют. Да; наконец-то ты нашла, где я, тут-то я и провожу целый божий день.

Что делаю? Превратилась опять в “Schoolgirl”^{368*} – хотя знаешь, что я скоро совершеннолетняя; большая часть утра, конечно, проходит в рисовании, недавно Папашин портрет сделала, маленький профиль⁵ – сходство обыкновенно удается. – Те-

^{367*} гостинице (франц.).

^{368*} “школьницу” (англ.).

перь собираюсь начать “серьезный”, большой портрет – соседки нашей m-me Касаткиной⁶, масляными красками, конечно... Благодаря m-me Лион, которая уговорила меня брать уроки пения, я теперь и этим занимаюсь. Голос мой иногда, даже часто, блуждает, и *ad libitum*^{369*} превращается из *soprano* в *contralto*. Дело в том, что я часто простужаюсь, и после одной, очень сильной простуды, у меня, в самом деле, голос переменялся. Я, конечно, ни при ком не решаюсь петь – я учусь из чисто семейно-эгоистической цели – доставляю удовольствие Папаше, Огареву и себе – а там, дальше мне все равно. Если б оно мне не стоило ужасных усилий, я, пожалуй, и пела бы, но для меня это удовольствие превращается тогда в мучение. Естественно, что я в моем, почти монашеском, одиночестве, не могу отделаться от “самолюбиво-застенчивой неловкости”. – Кроме этого, ходит ко мне поляк, учит⁷, рассказывает всевозможные возможности, касающиеся до естественных наук. – Ужасно интересно. Ну, потом почитаю, попишу, да с Папашей поболтаю и оглянуться не успею – как пора прыгнуть в постель...

Итак, ты видишь, что я по-старому одна-одинехонька. Ольга с m-lle Meysenbug и Сашей во Флоренции. M-lle M(eysenbug) не могла выдержать здешнего климата, перед которым и мое железное здоровье должно было склониться. – Потом и для Ольги, может быть, там удастся усадить ее за занятия. – Зная ее характер и порядок дома нашего, ты понимаешь, что здесь это было почти невозможно. – Natalie – все еще не приходит в себя – и не придет – жизнь ее кончена. Несчастье прошлогоднее ее совсем погубило. Ее поддерживает чувство долга относительно Лизы, а то бы она давно не жила.

Бедная, замученная – самою собой, что всего хуже, она вместо того, чтобы стараться забыть, хоть рассеяться, она окружается всеми детскими вещами, кроватками, никогда не ложится в постель – спит, ест кое-как, как попало – ей все равнодушно, она с нетерпением ждет смерти. – Мне ее ужасно жаль, а помочь не могу. Боясь свиреной зимы и бизы, она тоже уехала с Лизой – они в Montreux. Часто кто-нибудь из нас – по очереди – ездит к ним. Там-то я и простудилась⁸, но зато доброе дело сделала, т.е. устроила учение Лизино. – Такого живого, умного ребенка оставить без занятия – беда. – Она же к тому, не то что мы, учится славно и с любовью. – А мы все так поздно развиваемся, что труда не стоило бы – на такое короткое время.

И переписка моя уменьшилась значительно – Полина Левицкая теперь в России, Mimi Оррпенгейм, прелестная живая девушка, с которой я подружилась в Риме, последовала примеру всех девушек, с которыми я сближалась – умерла. В Англии я никого не оставила.

Осталась одна Катя⁹ и “старинные друзья” – как ты, добрая моя Маша. – По этому поводу Саша получает целые томы – с иллюстрациями и разным вздором – под заглавием “Колокольчика”¹⁰ – он право добрый малый, несмотря на то, что мой брат; я его очень люблю. – С женевками сходитьсь я не могу, что у нас общего? Это свело бы меня только в их светскую жизнь и визитничество. – Русских здесь много, но большею частью не хотят или не могут с нами знакомиться, а эмиграция – как все другие – если состоит из 10 человек, образует столько же или 11 партий. Главные недруги, женевские “Монтекки и Капулетти” – это “Буассиерцы” и так называемые “Людмиловцы”, во главе у которых Герцен и m-me Шелгунова¹¹. И странны нынешние молодые русские, женщины, как и мужчины. Ты, верно, встречала когда-нибудь и знаешь каких-нибудь нигилистов. – Это хотя и глупое название, они сами себе его дают. Это отсутствие всяких форм, которое доходит до неграциозности, странно поражает нас – “отсталых”. – Итак, живу я самой эгоистической жизнью. – Единственное доброе дело, это, может быть, одно то, что мое присутствие приятно Папаше.

Он все тот же, живой, веселый, и, кажется, мной доволен, поэтому и мне хорошо. – Бедный Огарев слабеет, здоровье его плохо, но и он тот тихий, добрый, ласковый индивид. Что с нами будет по окончании срока найма квартиры, не знаю. – Здесь мы во всяком случае не останемся. – Папаша привык к большим городам, естественно, что вечные здешние сплетни ему надоели. – И дом для нас не годится

^{369*} свободно (лат.).

больше, он в самом деле пустой себе почти стоит... Куда полетим, не знаю, Папа, кажется, думает так устроить, что я с ними останусь, жить будем где-нибудь в Vevey, Montreux, Lugano, на юге Франции, в Мезопотамии или в Каннах. Но мне нехорошо, боюсь одичать. Во всяком случае, буду ездить навещать Ольгу и Сашу во Флоренции по временам. – Там знакомых много.

Теперь расскажи ты мне о себе и своих – что Саша? Все еще трудно с ним сладить? – Что Эрнест и незн(ак)омый? Рейхеля и твое здоровье? Благодарю и целую тебя за карточку – хотя фотография нехороша, по ней ничего не узнаешь¹².

Следовала ли ты за делом “пожаров” и обвинениями против Папаши?¹³ – Видишь, что все бывшие друзья отпадают... Однако Тургенев на днях прислал опять поклон и сказать велел, что надеется, что они все-таки по-старому...¹⁴ Меня это очень обрадовало, сама не знаю, почему. – Все-таки жаль видеть, как люди, некогда дружны и интимны, мало-помалу совсем отдаляются друг от друга, потом, он все-таки же приятный, несмотря на разные странные прихоти. А Анненков? Боткин? – Анненкова я встретила в Париже года 1 1/2 тому назад. По отношению ко мне он оказался тот же старый друг – с тех (пор) ни слуху, ни духу о нем. А Боткина Папа недавно встретил совсем неожиданно в Montreux. Папа к нему подошел, он как будто замялся, что-то пробормотал... На следующий день они только раскланивались¹⁵.

ГЕРЦЕН

Рисунок Таты Герцен. Женева, 1865

Национальная библиотека, Париж

“... недавно папашин портрет сделала, маленький профиль – сходство обыкновенно удастся” (Тата Герцен – М.К. Рейхель, 21 декабря 1865 г.)

¹ Старшие дети Герцена приехали с Мейзенбург из Италии в Женеву около 1 июня 1865 г. Туда же ранее, 11 апреля, переехал из Лондона Огарев, а 17 апреля прибыли из южной Франции (Канна, Ниццы – через Марсель, Лион) Герцен с Тучковой-Огаревой и Лизой. Вся семья поселилась в снятом Герценом Буассье (château Boissière) – “старинном швейцарском замке с террасами” (см. *Тучкова-Огарева*, 216–217). Однако попытка Герцена вновь объединить семью потерпела неудачу: Тучкова-Огарева не сумела и теперь ужиться со старшими детьми Герцена. Еще в июле Ольга была помещена в учебный пансион Фрелиха в Берне, а когда выяснилось, что состояние дел там неудовлетворительное, она с Мейзенбург 1 ноября уехала вновь во Флоренцию, куда еще около 27 августа вернулся Саша. 17 или 18 сентября покинула дом и сама Тучкова-Огарева, поселившись с Лизой в Монтрё.

² Картина А.П. Боголюбова «Апофеоз “Полярной звезды” и “Колокола”», написанная в Париже в 1859 г., а в июне 1860 г., присланная “русскими художниками” в подарок Герцену. Она хранилась в семье Л. Риста до 1970 г., когда была передана им в Музей А.И. Герцена (Москва). См. XXVII, 18, 21, 70; Е.Ф. Юнгел. Воспоминания. М., (1913); С. Макаш и Н. Дар правнука Герцена (“Лит. газета”, № 99 от 15 июля 1970 г., с. 6).

³ Копии с “Автопортрета” Рембрандта и с портрета Галилея работы неизвестного художника были сделаны Татой в октябре–ноябре 1862 г. во время обучения в Брюсселе у художника Л. Галле. “Красавицу” Тициана Тата копировала в галерее Шинарра в Риме в январе–марте 1864 г. (см. XXVII, 271; письма Таты к Герцену от 29 января и 25 или 26 марта 1864 г. – в наст. томе).

⁴ По-видимому, портрет Герцена “в серой блузе” (воспроизведен в ЛЖГ IV, по копии, экспонируемой в Музее А.И. Герцена; оригинал – в собрании Н. Риста, Франция).

⁵ Возможно, речь идет о карандашном рисунке, воспроизведенном в ЛЖГ IV; оригинал – в ВН.

⁶ Этот портрет Е.А. Касаткиной неизвестен.

⁷ Польский эмигрант И.Ф. Савицкий, участник восстания 1863 г. (конспиративное имя – Ян Стелла).

⁸ Тата гостила в Монтрё у Тучковой-Огаревой с 2 по 8 декабря, в дни памяти ее умерших близнецов (см. XXVIII, 121).

⁹ Е. Владимировна.

¹⁰ Эти письма Таты к Саше Герцену не сохранились.

¹¹ Л.П. Шелгунова познакомилась с Герценом в феврале 1859 г. в Лондоне, куда приехала “специально на поклон” к нему с мужем Н.В. Шелгуновым и М.Л. Михайловым (см. XXVI, 327; Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов. Воспоминания, М., 1967, т. 1. с. 108, 122–127; т. 2, с. 97–98; ЛЖГ III, 23–24). Однако поселившись в 1863 г. в Женеве и сблизившись с А.А. Серно-Соловьевичем, она заняла затем в “молодой эмиграции” позицию, наиболее враждебную Герцену (см. XXVII, 556, XXVIII, 81, 105, 112).

¹² Эта фотография Рейхель неизвестна.

¹³ В связи с “пожарами в Северо-Западном крае” в августе 1865 г. была развернута русской официальной прессой кампания клеветы против Герцена. Она была начата статьями “Виленского вестника” от 17 августа и “Русского инвалида” от 18 августа об участии в поджогах “агенции Герцена в Тульче”, была подхвачена “Московскими ведомостями”, но в ней участвовали также славянофильский “День”, либеральные газеты “Голос”, “СПб. Ведомости”. Опровержения Герцена см.: XVIII, 405–409, 417–425, 429–431, а также: С. Л и щ и н е р. Неизвестное письмо А.И. Герцена в бельгийской газете (“Вопросы истории”, 1987, № 4, с. 184–189).

¹⁴ Поклон и предложение возобновить “долголетнюю дружбу” было передано И.С. Тургеневым через М.В. Авдеева, который приехал в Женеву около 6 ноября. Авдеев встретился с Герценом между 13 и 17 ноября. – См. Н.А. Острова. Воспоминания о Тургеневе (“Тургеневский сборник”, Пг., 1915, с. 63–76); ЛЖГ IV, 193–194, 197.

¹⁵ Герцен встретил В.П. Боткина в Веве 17 или 18 сентября, а затем вновь – 20 сентября (см. XXVI-II, 104; ср. письмо Боткина к И.С. Тургеневу от 18 октября (“В.П. Боткин и И.С. Тургенев. Незданная переписка”. М.–Л., “Academia”, 1930, с. 221–222).

13

26 мая 1866 г.

N 7. Quai Mont Blanc. Genève

Не могу тебе сказать, как мне было больно читать твое письмо, дорогая моя Маша. Мне было больно, совестно, досадно, стыдно, что я живу в Boissière, в таком удобстве – в то время как тебе тесно, нехорошо – неудобно! Что бы я не дала, чтобы променяться тогда! Чтобы полететь и хоть чем-нибудь помочь тебе – за детьми смотреть. – Когда же тебе будет покойно – когда же ты отдохнешь?

Вечная тревога, вечные хлопоты, то дети больны, то Рейхель... Хотела я тебе еще из Boissière писать, как только получила твое письмо, хотела предложить и просить тебя погостить у нас. – Постаралась бы я тебя побаловать. Вот было бы хорошо в большом саду, на бархатном лугу под старыми деревьями... Но пришел срок сдачи дома и мы расстались с ним – променяли его на квартиру в городе, где завели свое хозяйство *вдвоем* с Папашей¹. Огарев в горах, лечится льдом и довольно успешно.

Здесь уже лишнего уголка не найдешь – даже верный наш Пан Тхоржевский должен нанимать себе комнату в соседстве. Две спальни, салон, столовая, – что следует для прислуги – вот и все. Зато вид какой! На озеро и Mont Blanc – и вечером чудно как хорошо и тихо – бесконечное число огоньков отсвечиваются в озере. И здесь я часто остаюсь совершенно одна (как теперь напр(имер)), когда Папаша уезжает на несколько дней в Lausanne к Natalie и Лизочке. Но для меня это не ново – дни так же быстро, незаметно проходят, особенно когда погода нехороша, сидишь себе – занимаешься и вот уже вечер – зато мне хорошо на дворе – досадно, что не с кем гулять (когда Папы нет).

Однако погуляла я пять недель в Montreux². Расставшись с Boissière, я поехала к Natalie, хотела у них погостить неделю, а осталась больше месяца. Жили мы в Hôtel des Alpes, Veutaux – около Chillon, подальше Montreux. Наши “коопенсационеры”, болшею частью англичане, были чрезвычайно любезны ко мне – к тому же приехал родственник Natalie³, с которым мы катались по озеру, гуляли и лазили по горам – словом, очень хорошо провели время. Пожалуйста, не выдумывай себе тут романа. Стоит девушке упомянуть мужское лицо и дело кончено – роман готов, все всем ясно, все всё знают – когда ничего нет! Родственник Natalie почти так же несчастен, как она сама – недавно потерял жену, которую страстно любил, и дочку, после рождения которой жена умерла.

Я прочла странную фразу в твоём письме к Папаше, милая моя Маша. Ты его как-будто с ужасом и с удивлением спрашиваешь: “Неужели вы ее готовите в старье

девы?”, говоря обо мне. – Тебе, может, странно покажется, что я тебе скажу, но это правда, что семейная жизнь меня не очень привлекает.

Здесь, в Швейцарии, статистической доказано, что большей частью девушки выходят замуж от 15, 16–18 лет – и еще больше, после 25 лет. – Должно быть, и в других странах так, и это очень естественно. До 18 лет девушка может еще мечтать – *se faire des belles illusions*^{370*} броситься в объятия первого встречного, ввязаться на всю жизнь, не обдумывая, что делает – и то это может случиться скорее здесь и во Франции, да вообще в Европе, скорее чем в России теперь – где девушки благодаря оклеветанному “нигилизму” гораздо раньше умственно развиваются и стараются быть самостоятельными. Конечно, и между ними найдутся ветренные, но от другой причины – это хвастовство или “bravade” – чтобы доказать, что они “эмансипированные”. – После 18 лет девушка начинает рассуждать, *on devient plus difficile*^{371*}. Ранняя эта эпоха прошла для меня очень тихо и мирно – теперь я уже *difficile* и, признаться тебе, милая Маша, не знаю, мало ли людей я вижу или трудно меня удовлетворить, но я не встречала человека, который бы мне нравился во всех отношениях – уж конечно, я не говорю о наружности, или это мне не то, чтобы совершенно равнодушно, но все-таки же, по-моему, одна из последних вещей. А может быть, я холодная натура – как мне это неприятно, а я все-таки должна сознаться, это должно быть так... Неприятно отказывать, а что же делать, когда чувствуешь, что все не *то*. Еще прошлого года, летом, пришлось отказаться. Самой было досадно и больно. Молодой русский, такой хороший, умный, серьезный, занимающийся естественными науками (по моему, *большое качество*)⁴. Папа его очень полюбил. Но все не то. Ум – почти-что слишком практический, или как бы это сказать. – Я не ищу идеализма, сохрани Бог, это мы предоставляем немцам, *n'en deplaie à Reichel*^{372*}, но напр(имер), видно было, что искусства для него не существует, несмотря на все желание понять, оценить – во всем просвечивал *утилитаризм* и оскорблял. – На будущую зиму я поеду опять в Италию, на этот раз опять во Флоренцию. Мы ожидаем Сашу⁵. Он хочет видеть Огарева, который путешествовать не может. Поживет здесь, а потом мы вместе поедом во Флоренцию к Ольге и Маль(виде).

Я останусь – Папа вернется и будет жить в квартире с Огаревым. Весьма может быть, что я до этого сделаю маленькую прогулку в *Сото* с Папашей, чтобы посетить Гарибальди. Главная квартира волонтеров будет там.

Значит, скоро Европа будет опять вся в крови. Ужасная эта война! Здесь многие желают и с нетерпением ее ждут. А чем больше я слышу и думаю вообще о войне, тем гаже, отвратительнее и страшнее она мне кажется. Человек становится хуже дикого зверя, миллионы людей убивают друг друга, большею частью сами не зная, с какой целью, и не думая о последствиях, о страданиях близких после каждой смерти, каждой раны... Прочти будущий “Колокол” – увидишь ты, как и в России хорошо жить теперь. В самом деле, волосы дыбом стоят при чтении этих *ужасов*⁶.

Несчастный этот Каракозов, хорошую услугу он сделал России этим выстрелом. Арестам конца нет – все знакомые арестованы и в руках Муравьева – это достаточно, чтобы знать, что их пытаются. Каракозов, ясно, фанатик – и никакого тут заговора не было – но как же не воспользоваться таким случаем, чтобы “очистить Россию”.

Вот как они принимаются за дело – взят студент Бельгин – велят ему припутать к делу Николая Утина, молодой эмигрант, который себе преспокойно и тихо здесь живет. Бельгин лгать не хочет – его потчуют нагайкой. – Он предпочел смерть *лжи* и повесился ночью. Что делают с Каракозовым, ты узнаешь из “Колокола”. Впрочем, кажется, и это будет напечатано. Что Станкевичи и Душа? Где они?

Обнимаю и крепко, крепко тебя целую, дорогая Маша, тебя и твоих всех. Что делает мой Шушка – все собирается в Америку или успокоилась “кровь горячая, молодецкая”?

Твоя Тата Герцен

^{370*} строить себе прекрасные иллюзии (франц.).

^{371*} становится более разборчивой (франц.).

^{372*} не в обиду Рейхелю (франц.).

¹ Герцены переехали из Château Boissière на новую квартиру в начале апреля, до 5. Огарев поселился в пригороде Женевы Petit Lancy.

² Тата была в Монтрё с 30 марта до конца апреля, а около 2 мая Тучкова-Огарева переехала с Лизой в Лозанну.

³ А.Н. Жемчужников, двоюродный брат Тучковой-Огаревой, приехал из России по ее приглашению (см. XXVIII, 174, и в наст. томе письмо Тучковой-Огаревой к Герцену, написанное между 2 и 4 декабря 1865 г., а также АО, 38).

⁴ Речь идет о В.Ф. Лугинине, давнем знакомом Герценов. В 1862 г. он, занимаясь химией в Гейдельберге и активно участвуя в организации там русской студенческой читальни, неоднократно приезжал к Герцену в Лондон. После перевода Вольной русской типографии в Женеву он стал (под именем В. Стрельцова) одним из ее пайщиков. Здесь он особенно сблизился с семьей Герцена и в конце июля или начала августа 1865 г. просил руки Таты (см. ЛЖГ IV, 151–152). Несмотря на отказ, Лугинин еще долгое время не оставлял надежды на изменение ее решения. 22 или 23 сентября 1866 г. Герцен сообщал Мейзенбуг, что Лугинин “снова просит руки Таты” (“честнейший, чистейший человек, настоящий рыцарь”). Попытки подобных объяснений предпринимались Лугининым вплоть до отъезда в Россию осенью 1867 г. (см. XXVIII, 125, 232, 234, 237; XXIX, 91).

⁵ А.А. Герцен приехал из Флоренции в Женеву 20 августа. 23 сентября он вместе с Татой отправился вновь во Флоренцию.

⁶ Все материалы, помещенные в л. 221 “Колокола” от 1 июня, были так или иначе связаны с террором в России после выстрела Д.В. Каракозова 16(4) апреля в Александра II. В письме далее пересказываются факты, вошедшие в статью Герцена “Из Петербурга” (ср. XIX, 84–85).

14

9-ого мая 1867 года.
Villa Montier-Naidini.
Poggio Imperiale. Firenze

Не могу тебе сказать, милая, добрая моя Маша, как меня обрадовало известие, что вы в самом деле в Берне. Я, хотя покамест не собираюсь в Швейцарию, но мне все-таки приятно знать, что ты не “out of reach”^{373*} – как говорится по-английски. Жаль только, что début^{374*} такой печальный, пожалуйста, напиши мне поскорей хоть строчку, чтоб я знала, выздоровел ли Эрнест бедный.

А на наш счет что тебе рассказать, почти не знаю, откуда начать. Мне бы хотелось около тебя сесть и долго, долго болтать, рассказать тебе, живо представить, как мы приятно и мило провели эту зиму. Какая разница с прошлой зимой в Женеве! – И там мне было хорошо, я даже очень любила одинокую эту жизнь с Папашей и с Огаревым. – Но нынче зимой в другом роде было хорошо, живей, разнообразнее, атмосфера была моложе. Чтобы ты имела об этом понятие, я тебе расскажу немножко подробно – ведь тебе это не будет скучно, не правда ли? – Главные центры были “Casa Schiff” и “Casa Herzen”^{375*}. – Шиффа в Берне все знают, и не любят за странный и оригинальный характер, но он тем не менее превосходный человек, Папаша его очень высоко ценит, Саша, можно бы сказать, его почти обожает, но это такое глупое выражение. Ты, может быть, не знаешь, что Саша его официальный помощник. Жена Шиффа очень умная и симпатичная женщина, двухлетняя их дочка – моя живая куколка. – Ребенок очень ко мне привязался. – Теперь у нее была корь, так она только со мной остается спокойна, когда матери нужно идти со двора. Еще в доме странное существо, это Hugo Schiff, химик, он еще оригинальнее старшего брата. Полумизантроп, чрезвычайно умный, хитрый. – Все над ним смеются и дразнят его, несмотря на это, за нелепые манеры.

Приехавши во Флоренцию, я уже нашла довольно большой кружок – состоящий большей частью из молодых профессоров, которые во время вакаций обыкновенно группируются около Шиффа. Несколько из них были из Палермо – и вследствие разных беспокойств и холеры университет был закрыт, а они гораздо дольше остались. (Вперед тебе говорю, не ожидай никакого романа, его и в этот раз не будет.) – У каждого были свои занятия, поэтому всего выгоднее было видаться в назначенное вре-

^{373*} “вне досягаемости” (англ.).

^{374*} начало (франц.).

^{375*} “Дом Шиффа” и “Дом Герцена” (итал.).

мя. Назначили мы два вечера, и всю зиму без исключения собирались по понедельникам у нас, а по четвергам у Шиффов. – Каждый раз по очереди один из кружка читал лекцию, о чем хотел. Так как у нас тут были физиологи, физики, химики, ботаники, молодой француз Monod – 22-летний профессор истории и литературы – разнообразия было довольно.

В этом отношении я могу сказать, что это была самая приятная зима, которую я когда-либо провела. Я чувствую тоже, как контакт с разными этими личностями мне был полезен, как жизнь в симпатичном, серьезном кружке больше развивает, чем одиночество – *cela dégoûdit*^{376*}. Я тут уж не говорю больше о себе – но вообще так должно быть. – А пожалуй, это можно бы и обо мне сказать, несмотря на то, что я очень хорошо вижу, насколько Папаша выше всех здешних “голохвастиков”¹.

Днем я почти ежедневно ходила в музей – слушать лекции. Ты видишь, что естественные науки играли большую роль. – Саша несколько раз отличился популярными, публичными лекциями. Папаша был им очень доволен².

17-ого мая 1867

Нет, всего не расскажешь на четырех страницах, позволь мне взять второй лист. – Папаша к нам приехал на несколько недель, посетил, кстати, и Венецию³, именно во время карнавала. Отличились венецианцы, отпраздновали освобождение, говорят, карнавал был великолепный. – И Папашу побаловали, всюду приглашали, пили за его здоровье, именно в это время Гарибальди поехал в Венецию. – Папашу очень мило принял – ведь они старые друзья. – Теперь он в Женеве, с Тхоржевским и Огаревым.

Где мы все будем летом, никто не знает – где-нибудь на берегу Средиземного моря, по всей вероятности... Теперь мы, *флорентинцы*, уже не во Флоренции, *Via Santa Monaca*, а на даче *Villa Montier-Naldini, Poggio Imperiale*.

Взяли мы дачу на два месяца – но я в конце мая уеду. – Еду я в Ниццу, чтобы побыть у Natalie и Лизочки. Может быть, я могу быть в чем-нибудь полезна. Совершенное это одиночество и печальный, мрачный характер Natalie не могут хорошо действовать на живую натуру ребенка. Я детей занимать умею, итак, поеду ее порасcеять, поучить и т.д.

Останусь я месяц или два, к тем порам приедет Папаша и я с ним вернусь к Са-ше, Ольге и Мальвике.

Ольга, несмотря на то, что судя по летам она могла бы быть *барышней взрослой* – все еще ребенок – бегает, прыгает себе в коротеньких платьях. В характере ее я нашла большую перемену к лучшему. – Работает она не очень прилежно – но за фортепиано теперь всегда садится охотно. – Она всегда резва, грациозна, забавна, остра и хороша собой, без малейшей аффектации и без малейшего кокетства. Натура у нее не гармоническая, тем не менее чрезвычайно привлекательная. – Дети, подружки ее сейчас очень любят. Со мной она очень мила. – Сашу мы видим очень мало, несмотря на то, что вместе живем. Он много работает, целый день от 8 – (до) 5–6 в Спеколе у Шиффа. Теперь он готовится к публичной лекции, которую должен читать в воскресенье.

Бедная Мальвида постоянно страдает, то головной болью, то то, то се, но она все та же добрая, тихая, характером она моложе меня, все видит в розовом цвете.

А мне хотя и было хорошо, и теперь хорошо – все как будто что-то недостает – никакой серьезной цели нет.

Положим, что собственное воспитание цель – это очень хорошо, очень интересно, но меня не удовлетворяет – мне бы хотелось быть полезной для других, хоть в чем-нибудь. – Но как – укажи мне.

Отчего вы годом раньше не переехали, как мне легко бы было тебя посещать, с какой радостью я бы это делала. Ну, может быть, удастся и теперь как-нибудь – *chi lo sa!*^{377*}

^{376*} это отогревает (*франц.*).

^{377*} кто знает! (*итал.*)

В ОКРЕСТНОСТЯХ НИЦЦЫ

Рисунок Н.А. Герцен (карандаш). (1850–1851)
Международный институт социальной истории,
Амстердам

В начале июня явится к тебе т-те Шифф, она едет в Германию, на короткое время остановится в Берне.

Она тебе многое об нас и всей нашей здешней жизни расскажет – обо всем можешь ее расспросить. Она очень умная женщина, она у нас как дома, приходит к вам с ребенком и с девушкой и ночует – сколько угодно, и мы у нее как дома. Называет она меня обидным именем – “Dickarchen”^{378*}, часто делает замечания: “...Dickarchen, это нехорошо, и то непрактично” и т.д. Ты увидишь и дочку их – чудо что за милый, умный ребенок.

Однако прощай, пожалуйста, отвечай поскорей – поболтаем хорошенько. – А теперь обнимаю тебя и крепко, крепко целую – и всех твоих детей. Жму руку Рейхелю – он как, доволен Швейцарией?

Твоя Тата Герцен

Где т-те Лион, если она еще в Берне, пожалуйста, кланяйся ей и ее семейству от меня. Она меня так мило приняла прошлого года⁴.

Старушке Фогт жму руку, да Адольфу Фогту, его жене и ребятишкам.

Что делают Фрëлихи?

¹ *Голохвастики* – по-видимому, так называл Герцен в шутку сыновей Д.П. Голохвастова: Павла, молодого историка и писателя, с которым он встречался в Женеве в 1865 г., и Дмитрия, деятеля московской конституционной оппозиции 1866 г. (о драматургии первого и ораторских талантах второго он отзывался с похвалой). Тата это каламбурное обозначение распространила на молодых ученых флорентийского кружка, группировавшихся вокруг натуралистов Спеколы (Музей естественных наук).

² Герцен, гостя у детей во Флоренции, присутствовал на публичной лекции А.А. Герцена по физиологии нервной системы 9 марта 1867 г. “Успех Шаши, – по его отзыву, – полный и заслуженный” (XXIX, 52, 53, 57).

³ Герцен приехал во Флоренцию 18 января и уехал обратно в Ниццу к Тучковой-Огаревой и Лизе 10 марта. Впечатления от посещения Венеции (с 18 по 27 февраля) отразились в его очерке “Venezia la bella”, вошедшем в ч. VIII “Былого и дум”. О чествовании его венецианцами во время карнавала, встречах с Гарибальди 26 и 27 февраля см. XXIX, 47–50, XI, 468–472.

⁴ Речь идет о давней знакомой Герцена О.И. Лион (дочери владимирского губернатора И.Э. Куруты). С ее приездом в Швейцарию в 1865 г. возобновились дружеские отношения двух семейств. Одаренная певица-любительница, она нашла у Таты голос и настоятельно советовала заниматься вокалом. В письмах 5, 7 января, 1 марта 1866 г. Герцен выражал намерение отпустить Тату на неделю – две в Берн к Лион; поездка могла состояться также в конце июля или начале августа 1866 г. (см. XXVIII, 134, 139, 198).

Папаша уехал¹, и, как всегда после его отъездов, все кажется – так тихо, пусто. Это посещение оставило нам, и всему нашему кружку, еще более приятное впечатление, чем все прошедшие. Он был в таком хорошем, светлом расположении духа –

^{378*} Возможно, дикарка (?) – Ред.

и по-старому молод и весел. Грустно, досадно и глупо, что нам приходится постоянно расставаться. – Пора бы привыкнуть, мы уже так давно путешествуем – но не могу – невольно думаешь прощаясь – “может быть, это навсегда, бог знает, что может случиться” ...А Огарева я теперь уже больше года не видела. Все лето я провела в Ницце с Natalie и Лизочкой – поехала на три, на четыре недели, а осталась пять месяцев.

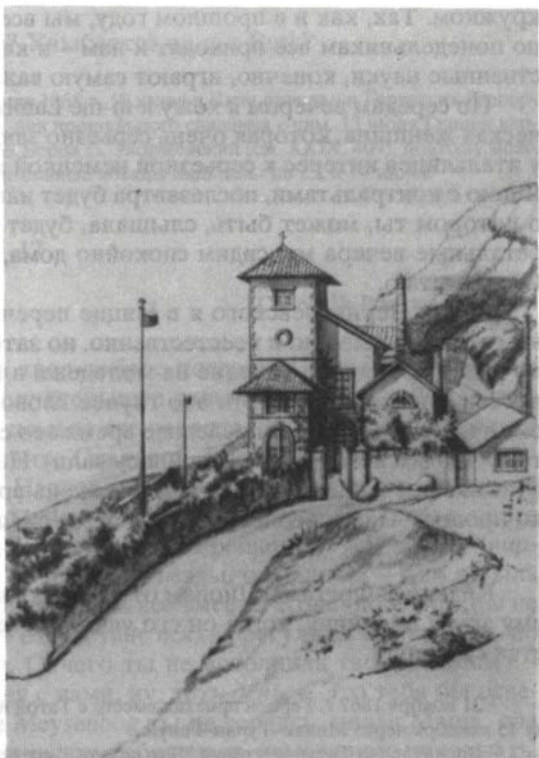
Ты не можешь себе представить, милая моя Маша, как я привязана к этому уголку земного шара, с каким удовольствием я узнавала и места, и лица, и вид – я все так живо помню. Лет пять тому назад мы, проезжая, остановились на день.

Но в этот раз я все осмотрела, всех отыскала. Представь себе, что вся наша прислуга там осталась. Папашу узнавали на улице и его останавливали, расспрашивали о нас – видно было, что осталась большая привязанность. У кого лавочка, у кого трактирчик, а у Адельгейды (помнишь, бабушкина девушка, которая была на пароходе во время несчастья?) кафе и громадный Hôtel du Luxembourg – один из самых больших отелей в Ницце, это много значит. Ницца очень переменялась – теперь это пребогатый и “fashionable”^{379*} город. Она тебя и Рейхеля очень хорошо помнит и кланяется вам. – Семейство Рокки до того к нам привязано, что просто совестно.

Помнишь, меня в былые годы купала молодая девушка Марианна – у старушки-матери ее был один деревянный домик (чтобы одеваться и раздеваться). Теперь она разбогатела, не один домик у нее, а двадцать павильонов – “Grand établissement de bain de mer m-me Georges”^{380*}. Я сначала к ней ходила и не думая, что это та же старушка. Разговаривая с ее мужем, открылось, что мы старые знакомые, что они нас всех очень хорошо помнят.

Все эти пять месяцев я провела чрезвычайно тихо и одиноко, Natalie дика, не любит ни с кем знакомиться, общества в Ницце никакого нет – особенно летом – все бегут от жару. Но цель моя, ехавши в Ниццу, была позаняться Лизой, сделать перемену в однообразной жизни Natalie, поэтому мне до знакомств и общества дела не было. Я детей очень люблю, люблю ими заниматься и их учить – я тебе не раз писала, как я Лизу люблю и с каким удовольствием я даже взялась бы ее воспитывать. Но я увидела, что при таких обстоятельствах это решительно невозможно. Она необыкновенно умна и понятлива, но очень избалованна. Так что в присутствии ее матери с ней сладить нельзя.

Ольга очень переменялась к лучшему – особенно со мной она очень мила, – вечно резва, жива, всех смешит, маленький плут и прехитрый плут и очень мила собой – ничто ее не беспокоит и не тревожит. Живем мы очень тихо, с светским обществом никаких сношений не имеем, а удовлетворяемся нашим маленьким интимным

В ОКРЕСТНОСТЯХ НИЦЦЫ

Рисунок Н.А. Герцен (карандаш). (1850–1851)

Международный институт социальной истории, Амстердам

^{379*} фешенебельный, модный (англ.).

^{380*} “Большое заведение морских купален г-жи Жорж” (франц.).

кружком. Так, как и в прошлом году, мы все собираемся по четвергам у Шиффов, а по понедельникам все приходят к нам – и каждый по очереди делает лекцию. Естественные науки, конечно, играют самую важную роль.

По средам вечером я хожу к m-me Lambert – презамечательная, умная и энергичная женщина, которая очень серьезно занимается музыкой и старается возбудить у итальянцев интерес к серьезной немецкой музыке, устраивая хоры и Singverein^{381*}. Я пою с контральтами, послезавтра будет наш концерт, виолон(че)лист Вильгельми, о котором ты, может быть, слышала, будет у нас играть. Я его еще не слышала. В остальные вечера мы сидим спокойно дома, у Мальвиды глаза очень плохи, я ей и Ольге читаю.

Роман Чернышевского я в Ницце перечитывала – ты совсем права – многое в нем странно, смешно и неестественно, но зато сколько дельного!² Недаром оно имело такое громадное влияние на молодежь в России. Случалось мне встречать нигилистов и нигилисток (хотя это глупое слово – трудно им самим объяснить, отчего они так называются. В последнее время это сделалось обидным словом в России, потому что все нехорошее им приписывали). Небрежность или презрение, которое они показывают к внешним формам, им очень вредит – но многое у них дельного. Однако прощай – поздравляю тебя и всех вас с Новым годом и крепко целую.

Твоя Т а т а

Кланяйся Фогтам и Лионам от нас. Прошу Рейхеля передать поклон старому моему другу Бакунину, когда он его увидит в Vevey. – Огарев мне писал, что устраивается свидание.

¹ 21 ноября 1867 г. Герцен приехал вместе с Татой из Ниццы во Флоренцию. Выехал обратно в Ниццу 15 декабря через Милан–Турин–Геную.

² Впечатления Таты от чтения “Что делать?” созвучны отзывам Герцена, также перечитавшего роман в Ницце (в начале июля он был издан в Женеве, в типографии М.К. Элпидина, и по просьбе Герцена прислан ему С. Тхоржевским около 27 июля). 8 августа он писал Огареву: “Это очень замечательная вещь – в нем бездна отгадок и хорошей и дурной стороны ультранигилистов. Их жаргон, их аляповатость, грубость, презрение форм, натянутость, комедия простоты, и – с другой стороны – много хорошего, здорового, воспитательного (...) Но, боже мой, что за слог, что за проза в поэзии (сны Веры Пав.), что за представитель семинарии и Васильевского острова” (XXIX, 167–168; см. также 159, 160, 163, 185).

16

13-ого июля 1868.
Hôtel Belle-Vue. № 25.
Lucerne.

Посылаю тебе только несколько слов, милая, добрая, дорогая моя Маша – чтобы ты знала, что мы благополучно приехали в проливной дождь и благополучно *забыли зонтики* в вагоне, когда выходили в Олтене. – Потом хотелось тебя еще поблагодарить за твой милый прием; уверяю тебя, что я очень, очень приятно провела время у тебя¹. Как я рада была тебя увидеть, да всех вас, мне и не нужно говорить. Я очень мало встречала женщин, с которыми я бы столько симпатизировала, как с тобой, с которыми, я чувствую, что могла бы говорить откровенно и с доверием – кажется, ты даже единственная!

Здесь чудо как хорошо, что касается до природы, вида и даже комфорта в Hôtel'e. Перед окнами у меня Пилат треугольный, озеро и церковь. Окрестности лучше бернских, насколько судить могу.

Когда и куда вы едете? Кто, т.е. какое общество получило венки в Зоннтурге?

Тхоржевский еще с нами; надобно идти к нему – поэтому прощай на этот раз. – Обнимаю и крепко тебя целую, тебя, Рейхеля и детей, – особенно доброго моего крестника. Что, подвигается его французское чтение – нравится ли ему или нет?

Фогтам кланяюсь.

Твоя Тата Г.

^{381*} певческое общество (нем.).

Толстеет ли Эрнест?

Шумит ли Мах? Отрывает ли Moritz? Улыбается ли m-г Burk?

¹ Тата гостила в Берне у Рейхель с начала июля 1868 г. 10 июля в Берн приехал и Герцен из Люцер-на, по просьбе умирающего кн. П.В. Долгорукова, для прощального свидания с ним. 13 июля Герцен вер-нулся с Татой в Люцерн, а 14 июля туда приехал из Берна С. Тхоржевский (см. XXIX, 409), поэтому мож-но предположить, что все письма или его заключительные абзацы написаны не 13, а 14 июля.

17

15 сентября 68.

Château de Prangins près Nyon.

Canton de Vaud.

От всего сердца благодарю тебя за твое доброе последнее письмо, милая моя Маша. Хотелось мне все дожидаться “окончательного решения”, чтобы тебе все рас-сказать. – Но несмотря на то, что мало-помалу все разъехались¹, что одна Ольга и m-лле Мейзенбург остались с нами, т.е. с m-ме Огаревой, Лизой и мной – мы еще ни-чего не знаем. Папаша уехал сегодня в Париж, – это верно тебя удивит, но дело в том, что доктор Боткин там, папаша едет с ним консультироваться о здоровье, через несколько дней мы узнаем результат и “окончательное решение”. – В каком “*вир-варе*”^{382*} мы были здесь все время. Всё приезды, отъезды, ожидания. – Как я была счастлива, что хоть на короткое время были опять все вместе! Конечно, долго бы не могло продолжаться, этот образ жизни – отсутствие всяких регулярных занятий – но на короткое время было очень хорошо. Отчего ты не исполнила твое желание? – Приехала бы ты, провела бы два-три дня с нами, ну, хоть *день*. – Это тебя бы осве-жило, нас бы осчастливило! – На m-elle Meysenbug ты не сердись, милая Маша, она не так виновата, как ты думаешь. Я им написала торопиться, немедленно приезжать, потому что папаша через неделю будет в Karlsbad’e (я так думала тогда). – Они сей-час же приехали и прямо в Prangins. *Никто* об этом ничего не знал в Берне – а в Цю-рихе они совсем неожиданно встретили друга флорентийского, доктора Levier – до-ехали вместе с ним до Вер’а, может быть, он распространил слух о их приезде.

Однако прощай, хочу еще ребятишек твоих милых поблагодарить за письма их. – Скоро буду опять тебе писать, верно из Лиона.

Обнимаю и крепко, крепко целую тебя и Рейхеля.

Твоя Т а т а

На обороте:

Маше.

¹ В замке Пранжен, близ Ниона (Северная Швейцария) собрались на отдых летом 1868 г. вся семья Герцена и Огарев. Герцен с Тучковой-Огаревой, Татой и Лизой приехали 13 августа, затем Герцен привез из Женевы Огарева, в конце августа приехали Мейзенбург и Ольга, а в начале сентября – Саша с женой Терезиной из Флоренции.

18

12-ого декабря 1868.

Pension Suisse. Nice.

Вот мне был сюрприз, дорогая моя Маша, я, толстюшка Тата, заболела!¹ Я, ма-ленький Геркулес, вдруг так слаба, что не могу себе сама ногти стричь! Я по мину-там верить не могла: “Неужели это я больна – нет, не может быть!”

Натали ходит за мной с большим усердием – да, она и старушка Рокка! Я рада, что по крайней мере заболела в Ницце – давно знакомые, добрые лица и досуг вспо-минать давно, давно прошедшие годы.

Я была так похожа на plum-pudding^{383*}, что Папа меня бы не узнал, по его соб-

^{382*} суматохе (нем. Wirwar).

^{383*} рождественский пудинг (англ.).

ственным словам, если б он вперед не знал, что я – я. Он приехал в худшую минуту², когда меня всего больше мучила сыпь во рту и в горле. – Теперь я быстро белею и поправляюсь. – Жаль только, что Ольга так далеко живет от нас – так бы хотелось на нее взглянуть и с ней поболтать по временам. Но надобно быть разумной – не хочу развлекать ее от занятий.

Прощай на сей раз – крепко обнимаю и целую тебя, дорогой друг мой Маша, и Рейхеля доброго и ребят своих поцелуй от меня.

Твоя Тата Г.

Спроси, пожалуйста, Егора Ивановича, неужели он не получил длинное мое письмо с рассказом о Терезине?³

Рукой Герцена:

Ну вот вам и рапорт о том, что все состоит благополучно – только нужна тройная осторожность. Затем мы и тут.

Прощайте.

¹ Тата, приехавшая в Ниццу с Тучковой-Огаревой и Лизой, с 1 декабря была больна оспой.

² Герцен, получив в Женеве в ночь на 2 декабря телеграмму Тучковой-Огаревой о болезни Таты, 3 декабря выехал через Марсель в Ниццу и 4 декабря приехал туда.

³ Это письмо Таты к Е.И. Герцену неизвестно.

19

2-ого июля 1869.

Villens Della Torre.

115. Via dei Serragli. Florence

Давно я ничего не слышала прямо от вас, милая, добрая моя Маша. На последнее письмо мои из Ниццы ответов я не получила. Однако недавно узнала от Папаши, что вы все здоровы.

А у нас здесь сколько хлопот было! Сперва появление Володи¹, потом хлопоты с кормилицами, а главное его болезнь. Бедный наш Володя – пищеварение его вдруг совсем испортилось, и он чуть-чуть не умер в день рождения Саши, т.е. 25-ого июня, Levier его спас.

Но не стану рассказывать, подробности ты узнаешь через m-me Schiff, которая хочет сама передать тебе это письмецо и Ольгин портрет². Он хорош, но не совсем, она совсем не такая смуглая. На фотографии у нее вид цыганки. Теперь она моего роста, может быть, со временем будет побольше. – Насчет ее характера я могу только повторить то, что говорила тебе прошлого года, что она чрезвычайно мила, несмотря на то, что полуребенок и не очень развита. Мы стоим в очень хороших отношениях.

Сначала я жила у Саши в доме, мы образовали очень мирный и гармонический *трио*. – Впрочем, – обо всем расспроси m-me Schiff, она славная женщина, мы образуем почти одну семью с Шиффами.

От Папаши я получила сегодня письмо из Базеля³ – через несколько дней он будет в Брюсселе, с нетерпением жду результатов этой поездки – она должна решить, оставаться нам на юге или тоже ехать на север.

Сама не знаю, что лучше – во всяком случае ужасно жаль расставаться с Италией. Увидим, как понравится Папаше брюссельская жизнь!

Мы уезжаем через несколько дней (т.е. Мальвида, Ольга и я) куда еще не знаю, в какую-нибудь деревушку около Флоренции, – поэтому пиши, пожалуйста, на имя Саши, т.е. на его адрес:

Casa Fumi. 2-do piano fuori di Porta Romana.
Florence.

За сим обнимаю и крепко, крепко вас всех целую.
Пиши обо всех.

Твоя Тата Г.

Кланяйся Фогтам – от нас.
Терезина и Саша тебя целуют.

¹ Сын А.А. Герцена Владимир родился 18 мая 1869 г.

² Вероятно, фотопортрет, хранящийся в ГИМ (Москва) и воспроизведенный в "Лит. наследстве", т. 63, с. 469, с датой "конец 1860-х гг.". Он был сделан во Флоренции в конце апреля 1869 г., одновременно с фотографией, которая отправлена Ольгой Лизе 29 апреля (костюм, прическа идентичны – ср. "Лит. наследство", т. 64, с. 663).

³ Очевидно, письмо Герцена от 29 июня (см. XXX, 142–143).

20

6 октября 1869.
Casa Fumi fuori Porta Romana.
Florence

Бедный Егор Иванович, вот что такое человек. Такая печальная жизнь и такой конец! Не понимаю, как он мог дойти до этого, его просто обобрали, значит?¹

Письмо твое, дорогая моя Маша, я сейчас же послала Папаше в Париж, он, верно, тебе скоро напишет². Я все лето оставалась в Италии. Была во Флоренции до июля, потом поехала на полтора месяца в Antignano около Livorno, с m-lle Meysenbug и Ольгой, наслаждалась морским купаньем, ни разу не страдала мигренью, которая меня обыкновенно так мучает. Вдруг m-lle М(ейсенбург) получает известие, что в Мюнхене делают громадные приготовления для представления Вагнеровой оперы "Rheingold"³. В два дня все было уложено и приготовлено. – Мальвида с Ольгой улетели в Мюнхен, да к счастью и совсем случайно попали на последнюю репетицию, а то так бы и уехали, не выдавши "Rheingold". – Рейхель верно следил за всей этой историей в Мюнхене и смеялся да радовался, покуривая трубку. Я не осталась, отпустивши "молодежь", а приехала сюда – к Саше – и все время наслаждаюсь его счастьем. Терезина так мила и умна, Володя, или *Волдырчик*, как его называет Папаша – так здоров и красив; Саша отличается на конгрессе и в разных статьях, брошюрах и т.д. – Il est la bête noire des bêtes noires^{384*}, и вообще всех непрогрессистов и начинает быть важным лицом здесь.

Папаша в Париже с Natalie и Лизой, ищет квартиру и зовет нас, т.е. m-lle М(eysenbug), Ольгу и меня. – Ужасно жаль расставаться с Италией теперь и особенно с Сашей и его милым хозяйством, но что же делать, хочется и с Папашей побыть.

Очень рада, что у вас все идет хорошо, что все здоровы и веселы – всех вас обнимаю и целую от всей души, в особенности тебя, милая, добрая моя Маша. – Благодарю Сашу за длинное письмо и за бабочку; очень рада, что хорошо работает, – постараюсь заехать к вам хоть на минуточку.

Твоя Тата Г.

Кланяйся Фогтам от нас.

Рукой А.А. Герцена:

9-го окт(ября) 18)69
Флоренция

Любезная Маша, посылаю тебе наши фотографии⁴, по которым ты увидишь, что мы не очень больны, и можем всем желать, чтоб они не были больнее нас. Наша жизнь идет по-прежнему как нельзя тише и милее. Скоро уезжает Тата, и тогда наш дом несколько опустеет, но зато Володя скоро начнет болтать и таскаться по комнатам.

Как печально то, что ты пишешь о Ег(оре) Ив(ановиче). Как бы помочь? Мне кажется, очень трудно. Ну, ежели Папаша и даст раз, два, три – положим, 100 руб. Что же будет потом?

Тата сейчас отправила твое письмо Папаше; он еще на это не отвечал; мне кажется, что родные в России, которые в 10 раз богаче нас, должны бы помочь⁵. Им же это во всех отношениях гораздо легче.

Обнимаю тебя от себя и от Терезины; Рейхелю, детям и Фогтам дружеский поклон.

С а ш а

^{384*} Он – объект ненависти для всех ненавистников (франц.).

Nous avons le regret d'annoncer la mort du célèbre républicain socialiste russe Alexandre Hertzén, mort ce matin, à Paris, à la suite d'une courte maladie.

Nous consacrerons, demain, à cette grande intelligence, à ce vaillant cœur, une étude spéciale. C'est à Hertzén que la Russie doit d'être entrée dans la vie moderne, à la vie de la Justice pour tous, qui unit tous les peuples.

L'enterrement civil aura lieu dimanche à midi. On se réunira à la maison mortuaire, 172, rue de Rivoli.

MOROT.

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ ГЕРЦЕНА

“С прискорбием сообщаем о смерти знаменитого русского республиканца-социалиста Александра Герцена, скончавшегося сегодня утром в Париже после непродолжительной болезни. Завтра мы посвятим этому великому уму, этому мужественному сердцу специальный очерк. Герцену Россия обязана вступлением в современную жизнь, в жизнь всеобщей справедливости, которая объединяет все народы.

Гражданские похороны состоятся в воскресенье в полдень. Сбор возле дома покойного, 172, улица Риволи”

Газета “La Marseillaise”. Париж, 23 января 1873 г.

¹ Тата отвечает на несохранившееся письмо Рейхель, передававшей известия из России о том, что Е.И. Герцен “совсем ослеп”, разорен; последний из его домов, заложенных ранее, “будет продаваться” за долги и что “помогла этому разорению” З.Н. Голохвастова (см. XXX, 211, 212; “Лит. наследство”, т. 63, с. 428–429).

² Герцен обсуждал в ответном письме к Рейхель от 9 октября возможность помощи брату и, в частности, просил Рейхель написать Т.П. Пассек, чтобы та передала Е.И. Герцену деньги, взятые ею займы у Герцена в Лондоне в 1861 г. (см. XXX, 214–215).

³ Премьера оперы Р. Вагнера “Золото Рейна” состоялась в Мюнхенском оперном театре 22 сентября 1869 г.

⁴ Возможно, речь идет о фотографиях Саши и Терезины, которые воспроизведены в ЛЖГ V.

⁵ Вероятно, имеются в виду сыновья Д.П. Голохвастова, двоюродного брата Е.И. Герцена, – П.Д. и Д.Д. Голохвастовы.

21

23 января 1870

Pavillon Ronan. 172. Rue Rivoli.
Paris

Как мне начать, дорогая моя Маша? Может быть, ты уже знаешь из газет¹.

Папаши больше нет – он умер в пятницу 21-ого в 3-ем часу, ночью. – Я потеряла то, что мне было всего дороже на свете. – Он сам не знал, до какой степени я его любила², как меня мучило то, что его огорчало, – как я насильно была весела, что-бы он думал, что я счастлива.

Всех вас обнимаю и крепко, крепко целую.

Тата Герцен

Мы все здесь, кроме бедного Огарева. Саша опоздал – видел только тело. Куда поедет и когда, не знаю³. Пиши сюда.

¹ Первые сообщения о смерти Герцена появились в парижских, швейцарских, английских газетах 22 и 23 января 1870 г. (см. "Лит. наследство", т. 63, с. 537–538; ЛЖГ V, 304–306; Л XXI, 564, 575; Л XXII, 147–148). 23 января Рейхель писала Огареву из Маттенгейма (в окрестностях Берна): "Вчера читала в газетах, что Александр Иванович очень болен, сегодня, что его более в живых нет. Скажите, ради бога (...) верить ли этой ужасной новости? Я уже давно ничего не знаю ни о нем, ни о состоянии Таты. Не думала я, что о близком человеке придется из газеты узнать" ("Лит. наследство", т. 63, с. 532).

² Вечером 24 января, отвечая на наст. письмо, Рейхель писала Тате: "Как горько подтверждение того, что я уже из газет знала; я все не верила, писала Саше и Огареву, чтоб узнать истину (...) Друг мой, я знаю, как ты любила папу, и первая моя мысль была забота о тебе: как ты перенесешь этот удар, и потом я несказанно благодарна тебе, что ты сама написала". Она вспоминает о "последнем письме", полученном от Герцена (датировано 22–23 ноября 1869 г. – см. XXX, 260–261): "Он пишет мне о тебе, что ты его очень любишь и веришь ему. Из этого ты можешь видеть, что он знал о твоей любви к нему" ("Лит. наследство", т. 63, с. 532–533).

³ Уже в начале февраля Тата, приехав к Огареву в Женеву, навестила Рейхель в Берне.